© Максимова О. В., 2023, Океанологические исследования, 2023, Том 51, № 2, С. 109–177

УДК 582.261/.279 DOI: 10.29006/1564-2291.JOR-2023.51(2).6

ТАТЬЯНА ФЁДОРОВНА ЩАПОВА (1902–1954): ЖИЗНЬ НА ФОНЕ ЭПОХИ

О. В. Максимова

Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН,
Россия, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 36,
e-mail: ovmaximova@mail.ru

В марте 2022 г. исполнилось 120 лет со дня рождения выдающегося альголога, доктора биологических наук **Татьяны Фёдоровны Щаповой**, а в мае 2023 г. – 75 лет с момента зачисления её старшим научным сотрудником в ИО АН СССР. Она была в блестящей плеяде учёных, создавших мировую репутацию Института. Татьяна Фёдоровна изучала донную флору и растительность Чёрного и Азовского морей, Каспия, Баренцева и Белого морей, а в 1948–1950-х годах она организовала и возглавила Дальневосточную экспедицию, которая вывела морскую альгологию Японского моря и Сахалина на новый уровень знания. Её работы по флористике и структуре донных сообществ до сих пор служат эталоном гидроботанических исследований. Докторская диссертация Татьяны Фёдоровны заложила основы морской фитогеографии. Созданное ею научное направление было продолжено её ученицей д.б.н. В. Б. Возжинской и остаётся одним из основных в Лаборатории экологии прибрежных донных сообществ ИО РАН. Возвращаясь в Москву из экспедиции на Сахалин, Татьяна Фёдоровна погибла в авиационной катастрофе – в расцвете своего таланта. Изучение архивных документов обнаружило интереснейшие сведения о её предках, семье и о ней самой – на фоне истории нашей страны.

Ключевые слова: Т. Ф. Щапова, морская альгофлора, донная растительность, морская фитогеография, экспедиции, моря России, история семьи Щаповых

Рис. 1 – Татьяна Фёдоровна Щапова. Ноябрь, 1926.
Фотография из сборника «Труды ИО АН СССР» (1957, Т. 23)

Вынужденное предисловие автора. Тайна даты рождения

Эта статья должна была называться «К 120-летию со дня рождения Татьяны Фёдоровны Щаповой (1/14 марта 1903 – 27 сентября 1954)». Официальные источники – статья М. С. Киреевой (1957), сетевые публикации, Википедия – годом рождения Щаповой называют 1902 г. На памятнике на Введенском кладбище тоже значится 1902 г. Нигде не указана полная дата. Начав готовить эту статью в январе прошлого года, я взяла в архиве нашего института личное дело Т. Ф. Щаповой (далее ТФ), и там дважды (!) её собственной рукой (!) было написано, что год её рождения 1903-й! И приведена дата: 14 марта. Кто же мог лучше самой ТФ знать дату своего рождения? Не могла же она *дважды ошибиться* в дате собственного рождения! И я сообщила о своём «открытии» и редакции журнала «Океанологические исследования», и М. В. Флинту, и вообще – всем коллегам, и было решено, что мемориальную статью мы будем готовить к марту 2023-го, т. е. нынешнего, года.

К середине февраля этого года статья была практически готова, оставалось добавить несколько деталей. За ними я отправилась в Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына (ДРЗ) и в Центральный госархив г. Москвы (ЦГА), поскольку узнала, что там имеются источники, на которые в сети я получила несколько важных ссылок. Я решила, что должна изучить их лично, подержать в руках, перелистать, своими глазами увидеть тексты, особенно – рукописные. В читальном зале ДРЗ мне выдали книгу, изданную в 1998 г., но ничтожным тиражом (1000 экз.), и за прошедшие 25 лет ставшую библиографической редкостью. Это – воспоминания Николая Михайловича Щапова, дядюшки ТФ. О нём в статье будет персональный раздел, потому что его роль в жизни ТФ невозможно переоценить: он заменил ей, её сестре и брату рано умершего отца.

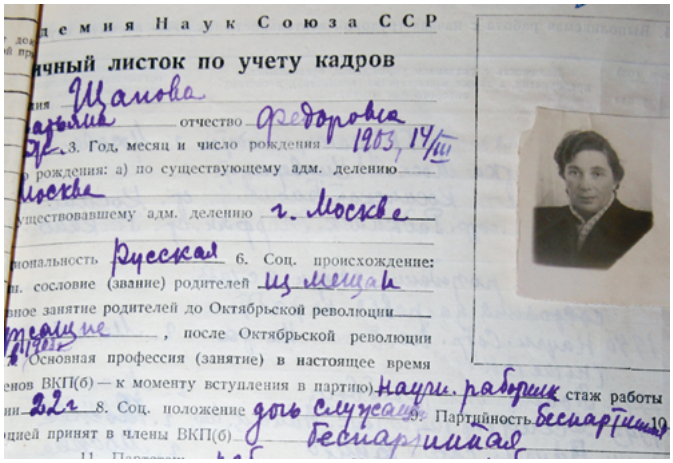


Рис. 2 – Фрагмент первой страницы Личного листка ТФ. Архив ИО РАН

А в ЦГА хранятся дневники Н. М. Щапова, которые он вёл всю жизнь – с детства и до последних дней. На основе этих дневников и была написана книга. И в книге, и в дневниках (ф. Л-310, оп. 1, дело № 146) годом рождения ТФ назван 1902 г. (!), как

и значится во всех официальных источниках… Я ещё раз проверила записи в личном деле ТФ: 1903 г. как год её рождения указан и в анкете Личного листка по учёту кадров (рисунок 2), и в Автобиографии, полный текст которой будет воспроизведён ниже.

Многия знания, как известно, – многия печали. Я так гордилась своим открытием… Но знакомство с семейными документами вернуло дату рождения ТФ «в исходное положение». Н. М. Щапов никак не мог ошибиться в дате рождения младшей племянницы Тани: в дневнике 1902 г. неоткуда было бы взяться записи о её рождении, если бы она родилась *через год*… (рисунок 3).

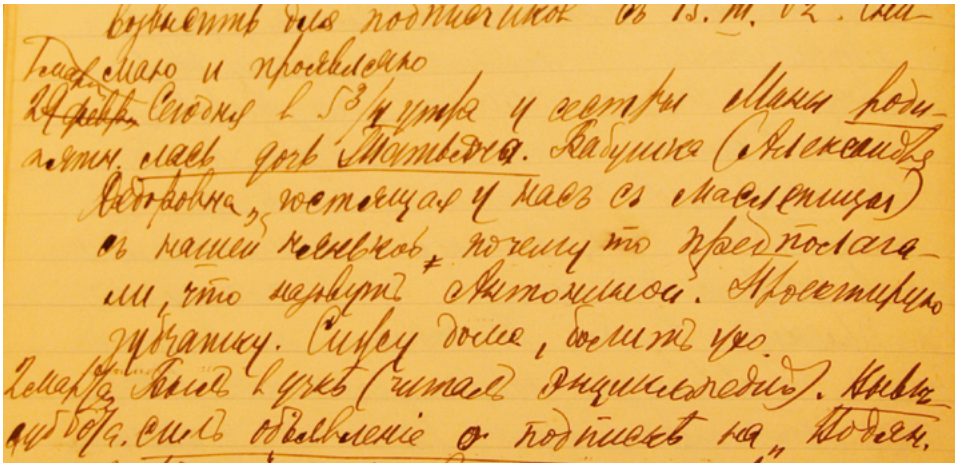


Рис. 3 – Запись о рождении ТФ в дневнике Н. М. Щапова за 1902 г.:
«~~29 февр~~ 1 марта, пятн[ица]. Сегодня в $5^3/_4$ утра у сестры Мины родилась дочь Татьяна».
Фотография листа дневника Н. М. Щапова за 1902 г. (ЦГА, ф. Л-310, оп. 1, д. № 146)

О дате рождения свидетельствует и выписка № 263 из метрической книги за 1902 г., выданная «причтом Московской Петропавловской, на Новой Басманной, церкви Сентября 18 дня 1903 года», где ясно указано, что *Татіана* была рождена 1 марта, крещена 10 марта, родителями её были «Московскій 2-й гильдіи купецъ Ѳеодоръ Михайловичъ Менкель и законная жена его Ерміонія Михайловна, оба православного вероисповеданія, в доме Щаповой», а восприемниками – «Потомственный Почётный Гражданинъ Николай Михайловичъ Щаповъ и Потомственная Почётная Гражданка, вдова Марія Константиновна Щапова» (ЦГА, фонд Л-310, опись 2, дело № 219).

Почему ТФ убавила себе год жизни? Ошиблась в анкете, не захотела вымарывать неверную дату и в Автобиографии (через два года – в 1950-м!) сознательно повторила эту ошибку, не придав ей большого значения, и чтобы в документах даты сходились? Это на неё не похоже: все, знавшие ТФ, отмечали её аккуратность, даже скрупулёзность во всём, что касалось её научных занятий. Но, может быть, к себе она относилась не так серьёзно? Заполняя анкету 7 мая 1948 г., подумала об отце, который умер 17 мая 1903 г., случайно написала «1903» – и не стала марать официальный документ… Эта загадка неразрешима. Но в истории ТФ есть и другие загадки, и некоторые из них мне удалось разгадать.

В сущности, всё это неважно. ТФ не была бы на нас в обиде, потому что вне зависимости от даты её рождения, мы её помним, её публикации до сих пор у нас в работе, а это – главное. И её юбилей мы отметим сейчас – как если бы она была на год моложе.

Страницы биографии Т. Ф. Щаповой

Прошлое протянуто в душу...
Андрей Белый

Доктор биологических наук, альголог Татьяна Фёдоровна Щапова родилась ранним утром 1 марта (по новому стилю 14 марта) 1902 г. и погибла в авиационной катастрофе около часа ночи 27 сентября 1954 г., возвращаясь из Дальневосточной экспедиции, которую организовала и которой руководила. Она прожила 52 с половиной года. Поразительно, сколько она успела сделать и какую долгую и благодарную память о себе оставила. В этом году исполняется 75 лет со дня защиты Татьяной Фёдоровной докторской диссертации (21 апреля 1948 г.) и с момента зачисления её в штат ИО АН СССР (2 июня 1948 г.).

Сейчас уже не осталось людей, которые тесно общались с ТФ и близко её знали. Автор настоящей публикации основывается на рассказах сотрудников Лаборатории бентоса ИО АН, прежде всего – д.б.н. Веры Борисовны Возжинской (1931–1997), ученицы и последовательницы ТФ (Максимова, 2021), а также на исторических документах той эпохи. Было изучено личное дело ТФ в Архиве нашего Института. Ценную информацию я нашла в Интернете, в том числе – статьи проф. В. А. Любартовича, Е. И. Крестьяниновой, члена-корр. РАН Я. Н. Щапова (кузена ТФ), ссылки на книгу (1998) и дневники Н. М. Щапова (дяди ТФ). И более трёх месяцев я изучала документы семьи Щаповых в Центральном Государственном Архиве Москвы (ЦГА).

Судьба Татьяны Фёдоровны ярка и трагична. В её жизни отразилась вся сложная эпоха первой половины прошлого века, которая была так богата крутыми поворотами истории. ТФ в полной мере ощутила на себе все эти моменты и периоды – от зажиточного купеческого быта старой Москвы до суровых испытаний и бытовых передряг бесконечных войн и революций, от швейцарского детства до эвакуации в Среднюю Азию, от Февральской революции до смерти Сталина. Документы по истории её семьи настолько увлекательны, что я позволю себе время от времени отходить от прямого «биографического» пути, чтобы читатели более объёмно представили себе, в какое время и в каких условиях ТФ жила, работала, формировалась как личность и как учёный.

В течение 66 лет самым полным печатным материалом о жизни и работе Щаповой была статья Марии Степановны Киреевой (1898–1989), близкой подруги и соавтора ТФ, в томе Трудов ИО АН, посвящённом памяти Т. Ф. Щаповой (1957). Материалы из неё неоднократно перепечатывали в других изданиях, в том числе сетевых (например,

в «Вопросах современной альгологии», algology.ru). В ней есть небольшие неточности (например, кандидатскую диссертацию ТФ защитила не в 1935 г., а в 1938 г.), но в целом статья даёт верное и подробное представление о научной деятельности ТФ. Я дополню эту информацию более свежими сведениями. В том же томе Трудов ИО памяти ТФ посвящена и статья её постоянного товарища по экспедициям, выдающегося гидробиолога, знатока прибрежной зоны Мирового океана – Олега Борисовича Мокиевского (1921–1972). Он рассказал о ТФ как о зачинателе и организаторе экспедиционных работ ИО на Дальнем Востоке, особо отмечая, что начатые ею исследования продолжились и после её гибели. Собственно, весь мемориальный том составлен из статей самой ТФ, законченных её коллегами и учениками, а также из работ её коллег-бентосников и соратников по экспедициям.

В начале 2022 г. я стала искать в Интернете сведения о ТФ и её муже, о котором знала лишь то, что он был генералом и на похоронах жены был в торжественном *белом мундире*. Это запомнили и Вера Борисовна Возжинская, и бывшая на этом скорбном мероприятии Ирина Николаевна Суханова. Возжинская рассказывала, что именно к мужу торопилась Татьяна Фёдоровна в своём последнем авиационном перелёте: якобы ей сообщили, что он нездоров. Другие сотрудники экспедиции – О. Б. Мокиевский, Ф. А. Пастернак, студенты Лев Москалёв и Ната Селицкая – возвращались в Москву на поезде и уговаривали Татьяну Фёдоровну ехать вместе. Но она спешила… Из материалов личного дела ТФ в архиве ИО РАН я узнала имя её мужа – Николай Петрович Щапов, а его должность она обозначила необычно: «профессор-генерал». Узнала я и девичью фамилию ТФ, которую слышала от Возжинской, но не запомнила: Менкель. То есть, было очевидно, что ТФ была Щаповой по мужу.

Материалов о Щаповых в Сети оказалось много, есть целые «щаповские» сайты. Из публикации Г. Н. Ульяновой (2016) я с изумлением узнала, что мать Татьяны Фёдоровны с редким именем Ермиония в девичестве была тоже Щаповой! Естественно, стало интересно: а не были ли ТФ и её супруг в родстве? И дальнейшие поиски принесли массу разнообразных, удивительных и даже загадочных сведений и фактов, которые я постараюсь изложить как можно более сжато, хотя трудно противостоять искушению поделиться с читателями всем обнаруженным богатством.

Ростовские Щаповы (XVII – XIX века)

Родина клана Щаповых – Ростов Великий, там они известны с начала XVII века (1619). Они держали лавки в рыбном, калачном, москательном и красильном рядах с 1630–1660 годов, имели в собственности покосные земли. Первоначально они звались Маслениковы, а прозвище «Щаповы», позднее превратившееся в фамилию, получили на рубеже XVIII века, когда их материальное положение улучшилось, а социальное упрочилось: «щап» – это щёголь, франт на древнерусских северных и восточных диалектах, «щапить» – щеголять напоказ. Скорее всего, улучшение жизни было связано с их особым промыслом: в 1692 г. в Переписных книгах упомянуты

сокольи помытчики Киприан Кондратьевич и Никита Терентьевич с таким уточнением: «новое прозвище Щаповы, а по писцовой посацкой книге Маслениковы» (Крестьянинова, 2007; Г. Щапов, Я. Щапов, 2007). Сокольи помытчики – это ловцы и воспитатели ловчих птиц для царской охоты (*помыкать* – натравливать, направлять на дичь, заставлять ловить добычу). Царь Алексей Михайлович Романов (1629–1676, отец Петра I) был страстным любителем соколиной охоты, на его Потешном дворе содержалось одновременно до 300 обученных ловчих птиц – соколов, кречетов и ястребов. Эти птицы были к тому же драгоценными подарками для глав других государств: их отправляли в Персию, в Польшу, в Крым, в Италию, в Англию… Сокольи помытчики были собственниками больших участков земли, где они могли тренировать птиц и содержать их в просторных сараях, а также имели значительные льготы по налогам (Булгаков, 2008).

В 1769 г. сокольи помытчики «братья Иван и Василий Дмитриевичи Щаповы с детьми последнего: Семёном, Василием (р. ок. 1754), *Иваном* (р.ок. 1762) и Алексеем записались в ростовское купечество 3-ей гильдии, показав капитал 2000 р.» (Крестьянинова, 2007; *курсив мой – ОВМ*). Именно Иван Васильевич и был общим предком – пра-прадедом – ТФ и её супруга.

Ростовские Щаповы не приняли церковных реформ, начатых патриархом Никоном в царствование Алексея Михайловича, и стали, таким образом, старообрядцами или раскольниками. Несмотря на гонения (вплоть до смертной казни за богослужение по старому обряду), дисциплинированные, непьющие, чистоплотные и работящие раскольники оказались успешными хозяйственниками, и многие из них разбогатели, Щаповы – в том числе. К этому же времени относится распространение фамилии в Сибирь, на Урал и на Украину: старообрядцы уезжали из центральной России на окраины, где их преследовали не так рьяно. На карте России можно найти более десятка населённых пунктов с названием «Щапово», а число носителей фамилии, живущих от Петербурга до Якутска, оценивается в 750–1000 человек. Самый высокий процент Щаповых – среди жителей Новосибирска: 4 %, в Москве – только 0.1 % (Г. Щапов, Я. Щапов, 2007). Именно при посадке в Новосибирске разбился самолёт ТФ…

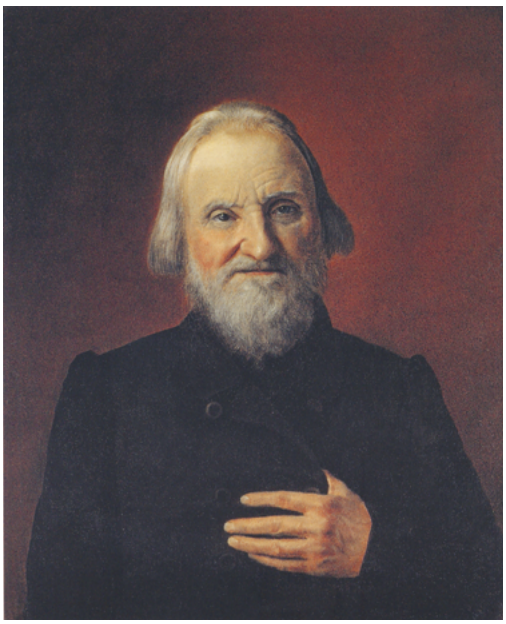


Рис. 4 – Портрет Василия Ивановича Щапова работы С. В. Щеколдина. (Щапов, 1998)

Первым *московским* Щаповым стал переехавший из Ростова в начале XIX века купец Василий Иванович Щапов (1790–1864), сын купца 3-й гильдии (рисунок 4). Его младший брат Иван Васильевич остался в Ростове, к нему мы вернёмся позже.

В Москве прагматичный Василий Иванович отказался от старообрядчества и перешёл в официальное православие (Я. Щапов, 2003).

В 1826 г. он основал ткацкую фабрику. В справочнике «Промышленность Московской губернии» (1843) среди 149 бумаготкацких и набивных фабрик значится бумаготкацкая фабрика 2-ой гильдии московского купца В. И. Щапова в собственном доме во 2-ом квартале Басманной части: «…станов на ней 410, рабочих 485, годовое производство на 186 тыс. руб.». Фабрика была в числе семи крупнейших московских ткацких предприятий, на ней ткали «холстинки, саржинки[1], тик, платки, т. е. товар не набивной (ситцы), а узорчатый, тканный в полоску и клетку из английской бумажной пряжи и русской льняной». Василий Иванович был старостой Богоявленского собора в Елохове, участвовал в строительстве нового храма[2], оплатив примерно треть необходимых работ – 70 тысяч рублей. Сумма по тем временам огромная (Н. Щапов, 1998; Википедия).

Фабриканты Щаповы – старшая ветвь (линия Н. П. Щапова, мужа ТФ)

После смерти В. И. Щапова фабрику унаследовали его сыновья: Пётр, Илья и Павел. Старшие братья основали торгово-промышленное товарищество «Братья Пётр и Илья Щаповы», а младший Павел (1848–1888) свою треть наследства взял деньгами и всю жизнь занимался собиранием книг. Это собрание из 30 тыс. томов, в том числе редких старопечатных, он завещал Историческому музею. Старопечатные книги остались в музее, а остальная Щаповская библиотека была позже передана в Государственную публичную историческую библиотеку (ГПИБ) и стала одним из ценнейших её фондов[3].

Пётр Васильевич Щапов (1845–1890), красивый светский человек, любил путешествовать, был щедрым благотворителем. Пётр и Илья Васильевичи были основателями и членами Богоявленского братства – общественной благотворительной организации при Елоховском храме, созданной его состоятельными прихожанами. Пётр Васильевич, а после его смерти Илья Васильевич, были председателями этого братства (Я. Щапов, 2003).

Илья Васильевич (1846–1896) более всего известен деятельностью в своём подмосковном имении Александрово неподалёку от Подольска, сейчас оно называется Александрово-Щапово (или просто посёлок Щапово). Он основал в имении богадельню при отреставрированной им церкви, церковно-приходскую школу для мальчиков, школу кружевниц для девочек, заложил сельскохозяйственную школу. Будучи бездетным, имение и 100 тысяч рублей Илья Щапов завещал Министерству государственных имуществ на строительство сельскохозяйственной школы для крестьянских детей. Она была открыта в 1903 г. В её здании сейчас прекрасный

[1] Саржа – тип ткани с диагональным плетением нитей, «диагональ».

[2] Старый Елоховский собор (впервые упоминается в 1689 г.), в котором 8 июня 1799 г. был крещён Александр Сергеевич Пушкин, не пострадал от пожара Москвы 1812 г., но был разграблен и впоследствии (1845) кардинально перестроен (Любартович, 2021а; Википедия).

[3] https://gpib.livejournal.com/34712.html?ysclid=ldboary2ei581419485.

музей с органным залом, а ранее она принадлежала Тимирязевской академии (Я. Щапов, 2017; Сасин, 2018). В память об Илье Васильевиче в Александрове открыт монумент (рисунок 5).

Рис. 5 – Монумент в память об И. В. Щапове в Александрове.
Фотография из (Сасин, 2018)

Братья Щаповы не были увлечёнными капиталистами (Илья вообще вышел из дела в 1888 г.), хотя в 1860-х гг. оба окончили с золотыми медалями Московскую Практическую Академию коммерческих наук. Это помогло им после смерти отца вникнуть в дело и правильно наладить производство, но потом они с много бо́льшим удовольствием и усердием занимались совершенно другими делами – на неуклонно растущие доходы от своей фирмы.

Щаповское товарищество, включавшее фабрику и коммерческое предприятие, имевшее конторы в Китай-городе и на Нижегородской ярмарке, вопреки характерам и увлечениям владельцев, процветало. Фирма братьев Щаповых дважды получала Государственный герб на Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве (в 1882 г. и в 1896 г.), что упрочило её положение среди лидеров в производстве хлопчатобумажных тканей. Шла успешная торговля текстильными товарами, были отлажены ткацкое и красильное производства. В 1914 г. на фабрике трудилось 1500 рабочих. Годовое производство достигало 1.5 млн рублей (Я. Щапов, 2017). Успехом Щаповское предприятие было обязано управляющему – кузену владельцев – Михаилу Ивановичу Щапову, о котором – чуть ниже.

Последним председателем правления до революции 1917 г. был Пётр Петрович Щапов (1870–1939), сын Петра Васильевича (рисунок 6). В 1918 г. фабрика Щаповых была национализирована и на общем собрании по предложению Петра Петровича (!) названа именем самого старого её работника, который трудился на фабрике более 50 лет. Название «имени Героя Труда Осипа Звонкова» сохранялось вплоть до 1929 г., после чего фабрику переименовали в «Красную швею». В советское время она выпускала пёстротканые изделия. Все щаповские станки (более 200) системы Гаттерслей английского производства прослужили до конца XX века, когда фабрику закрыли. Её здание после внутренней перепланировки в 2002 г. было передано Центральной универсальной научной библиотеке имени Н. А. Некрасова (Я. Щапов, 2017; Википедия).

Рис. 6 – Пётр Петрович Щапов (1870–1939), отец Н. П. Щапова, мужа ТФ. Фотография из Википедии

Рис. 7 – Библиотека им. Н. А. Некрасова на Бауманской улице в Москве. Фото М. Манской (2022)

Пётр Петрович был купцом первой гильдии, потомственным почётным гражданином и на протяжении почти четверти века – гласным (депутатом) Московской городской думы и членом её ревизионной комиссии. По воспоминаниям М. Ф. Алфёровой, сестры ТФ, он, «имея взбалмошный характер, относился ко всему иронически, любил оригинальничать, во всём находил смешную сторону». Из частых зарубежных поездок он привозил то попугаев, то крокодилов, а как-то привёз даже обезьяну. В его доме на Немецкой улице в просторной прихожей «у окна стоял огромный аквариум, вмещавший, наверное, несколько вёдер воды. В нём было много всяких водорослей,

в середине был устроен небольшой грот и плавали золотые рыбки». Не этот ли аквариум пробудил интерес к водным растениям у Тани Менкель? Вообще, обстановка в доме была неформальная и, видимо, притягательная для детей: масса книг и всяких заморских диковин. В кабинете Петра Петровича был камин, «перед которым лежали в виде ковров тигровая и медвежья шкуры, в густой шерсти которой застревали обглоданные собаками кости» (Алфёрова, 1981–1986).

Потеряв после 1917 г. собственность и общественный статус, Пётр Петрович полностью отдался тому, что мы называем хобби: филателии, которой занимался всю жизнь. Как страстный филателист он был хорошо известен в Европе. В 1920-х годах, не имея достаточного места для хранения громадной коллекции (его дом, естественно, был реквизирован) и заботясь о её сохранности, он предложил ленинградскому Музею народной связи (ныне Центральный музей связи им. А. С. Попова, Санкт-Петербург) создать на её основе Государственную коллекцию марок. 9 декабря 1929 г. коллегия Наркомата почт и телеграфов постановила: оформить акт дарения коллекции из трёх тысяч альбомных листов стоимостью полтора миллиона рублей золотом. Щапова назначили консультантом Наркомата по вопросам филателии и создания Госколлекции в Музее народной связи, с выплатой ему пожизненно пенсии в 175 рублей в месяц. Часть коллекции Щапова была продана за рубеж в годы индустриализации для получения валюты. Однако в 1930-е годы ему припомнили и его происхождение, и его многочисленные заграничные филателистические связи, и, наверное, убийство большевика Николая Баумана, произошедшее 18 октября 1905 г. практически у стен дома Щапова[4]. В марте 1938 г. Пётр Петрович был арестован и в мае 1939 г. умер в больнице Таганской тюрьмы (той самой «Русской Бастилии», которую хотел захватить Бауман), не вынеся жестокости допросов и условий содержания. Он был посмертно реабилитирован в 1975 г. (Любартович, 2021а). А дом, построенный отцом для молодого Петра Петровича, цел (Бауманская ул., 58/3) и даже был недавно отреставрирован (рисунок 8). Его архитекторами были А. С. Каминский и молодой Ф. О. Шехтель, это была первая работа будущего великого мастера (Википедия).

У Петра Петровича и его жены Марии Антоновны (она была *родной сестрой жены своего свёкра*, Петра Васильевича; семейные связи Щаповых были непростыми…) родилось семеро детей: 4 сына и 3 дочери. Вторым ребёнком был Николай, правнук «первого москвича» Василия Ивановича – и будущий муж ТФ.

---

[4] Бауман с красным флагом в руках пытался увлечь фабричных рабочих на штурм Таганской тюрьмы («русской Бастилии»), выкрикивая: «Долой царя!», и был убит бывшим кирасиром-конногвардейцем Михалиным со словами: «Как это долой?! Да я ему пять лет верой и правдой…» Михалин был то ли дворником у Щаповых, то ли работником их фабрики. Это произошло *на следующий день* после подписания Николаем II знаменитого Указа от 17 октября 1905 г. о даровании населению Российской Империи гражданских свобод – свободы совести, слова, собраний… В тюрьме 18 октября по собственной воле (!) оставались лишь четверо анархистов. Похороны Баумана превратились в огромную демонстрацию. А Немецкая улица в 1922 г. стала называться Баумановской, а с 1930 г. – Бауманской, как сейчас (Википедия).

Рис. 8 – Дом П. П. Щапова на Бауманской (бывш. Немецкой) улице.
Фотография из (Любартович, 2021б)

Щапов-управленец: младшая ветвь (линия Т. Ф. Щаповой)

Линия Татьяны Фёдоровны идёт от младшего брата «первого москвича» – Ивана Ивановича (1798–1862), который остался в Ростове Великом и числился в ростовском купечестве то по 3-ей, то по 2-ой гильдии. У него было семеро детей, из них нам интересен сын Михаил Иванович (1834–1892), которого я уже упоминала. В возрасте 10 лет он был отправлен в Москву, к богатому дядюшке Василию Ивановичу («первому москвичу»). На его средства Михаил Иванович выучился в Мещанском училище, после чего поступил к дяде в дело сначала в «мальчики», затем стал «молодцом» (приказчиком), а с 1848 г. – *доверенным*, т. е. управляющим всеми делами фабрики и торговлей своих двоюродных братьев. М. Ф. Алфёрова вспоминала, что, по словам её бабушки, деда Михаила Ивановича его коллеги-купцы называли «гением торговли» (Н. Щапов, 1998, с. 128). Михаил Щапов настолько образцово устроил хозяйство Щаповской фабрики, что оно благополучно функционировало и после его смерти – до самой революции 1917 года, хотя, по свидетельству Алфёровой, последующие управляющие не были такими талантливыми (рисунок 9).

Рис. 9 – Михаил Иванович и Мария Константиновна Щаповы – дедушка и бабушка ТФ со стороны матери.
Фото 1888 г. (Щапов, 1998)

У Михаила Ивановича с женой Марией Константиновной Симоновой (1848–1921) было четверо детей, но двое умерли маленькими. Остались старшая дочь Ермиония и младший сын Николай. Ермиония (дома её звали Мина) получила своё редкое имя в честь тётки своей мамы, которая вырастила и воспитала племянницу Машу Симонову после ранней смерти её матери. А Николай – тот самый дядюшка ТФ, будущий автор дневников и книги «Я верил в Россию».

Ермиония Михайловна Щапова (в замужестве Менкель) – мать ТФ. Таким образом, ТФ была правнучкой Ивана Ивановича Щапова, и, следовательно, ТФ и её муж Николай Петрович были *четвероюродными братом и сестрой* (см. таблицу).

Таблица – Щаповы (XVIII – XX вв.)
(Крестьянинова, 2007; Щапов, 1998)

	Дмитрий Иванович Щапов (р.ок. 1704; всего 5 детей)	
	Василий Дмитриевич Щапов (р. ок. 1726; всего 4 детей)	
	Иван Васильевич Щапов (р.ок. 1762; всего 4 детей)	
Василий Иванович (1790–1864), «первый москвич» (3 детей)	РОДНЫЕ БРАТЬЯ	**Иван Иванович Щапов** (ок. 1799–1862, всего 6 детей)
Пётр Васильевич (1845–1890) (и братья Илья и Павел)	ДВОЮРОДНЫЕ БРАТЬЯ	**Михаил Иванович Щапов** (1834–1892, двое детей), дед ТФ
Пётр Петрович Щапов (1870–1939) (всего 7 детей)	ТРОЮРОДНЫЕ	**Ермиония Михайловна Щапова** (1870–1940, трое детей), мать ТФ (и Николай Михайлович, дядя ТФ)
Николай Петрович Щапов (1896–1968), муж ТФ	ЧЕТВЕРОЮРОДНЫЕ	Мария, Михаил, и **Татьяна Фёдоровна** (1902–1954)

ТФ и Николай Петрович были знакомы с самого детства, потому что их родственные семьи дружили, дети постоянно общались, для них устраивали общие праздники с представлениями и шарадами, они вместе выезжали летом на дачу. Так что предложение, сделанное Колей Щаповым Тане Менкель в 1924 г., никого не удивило (Алфёрова, 1981–1986). Браки между родственниками вообще были делом обычным: вспомним хотя бы прекрасный пример из Пушкина: «Дед мой, Осип Абрамович <…> женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводился внучатым братом моей матери)» (цит. по: Эйдельман, 1993: 127)[5].

[5] Да и моя бабушка, Мария Петровна Архангельская, в 1916 г. вышла замуж за своего внучатого племянника Бориса Алексеевича Введенского, именем которого названа улица у метро «Беляево».

Семья Татьяны Фёдоровны Щаповой

Для начала приведу текст автобиографии ТФ, написанной в 1950 г. и хранящейся в Архиве нашего Института.

Автобиография Т. Ф. Щаповой *(из Личного дела, лист 3)*

Родилась в 1903 г. (!!! – ОВМ) в Москве в семье служащего. В 1919 г. окончила среднюю школу. В 1920 г. поступила в Моск[овский] Гос[ударственный] Университет на естественное отд[еление] физ-мат. факультета. В 1925 г. окончила университет по специальности «Физиология растений». Отец мой, служащий Хлудовской фабрики, умер в 1903 г.; вся семья жила на средства дяди Н. М. Щапова – инженера по специальности. В 1919–1921 гг. служила в расчётной части НКПС (Народный Комиссариат путей сообщения – ОВМ). В 1925–1927 гг. работала на Косинской Биологической станции, где выполняла свою первую работу по исследованию водной растительности озёр, опубликованную в Трудах Косинской Биол[огической] станции.

С 1928 г. работала научным сотрудником на ст. Редкино на Торфяной ст[анции], а с 1931 г. по 1940 г. в Государственном Океаногр[афическом] Ин[ститу]те (ныне ВНИРО), где вела исследования по изучению морских донных водорослей. В это время выполнила ряд работ по изучению донных водорослей Баренцева, Белого, Каспийского и Азовского морей, опубликованных в трудах ВНИРО, Бот[аническом] журнале и др.

В 1938 г. была утверждена Наркомпищепромом (Народный Комиссариат пищевой промышленности – ОВМ) в звании старшего научн[ого] сотрудника и в том же году защитила в Моск[овском] Университете диссертацию на степень кандидата биологических наук (диплом выдан ВАК). В 1940 г. перешла в Мосрыбвтуз (Московский технический институт рыбной промышленности и хозяйства им. А. И. Микояна – ОВМ)[6] и вела курс ботаники – чтение лекций и практич[ские] занятия – до осени 1941 г., когда эвакуировалась со своей семьёй в Ташкент. В Ташкенте работала ст[аршим] лаборантом в Воронеж[ском] Авиац[ионном] Ин[ститу]те. Вернувшись из эвакуации, поступила во ВНИРО в 1943 г. в качестве научного сотрудника. В 1944 г. поступила в докторантуру при Ин[ститу]те Океанологии АН СССР[7]. 21.IV.48 защитила докторскую диссертацию в Моск. Гос. Университете (утверждена ВАКом). В мае 1948 г. зачислена ст. научн. сотрудником в Ин[ститу]т Океанологии АН СССР.

---

[6] Мосрыбвтуз был создан в 1930 г. в Москве на базе рыбохозяйственного факультета Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. С 1959 г. – в Калининграде, ныне – Калининградский государственный технический университет (Википедия). В этом году его успела окончить – ещё в Москве – д.б.н. О. Н. Зезина, которая рассказывала мне о ТФ – по воспоминаниям своих старших коллег.

[7] В 1944 г. Института ещё не было, а была Лаборатория океанологии при Отделении геолого-географических наук АН СССР, созданная в 1941 г. (постановление Президиума АН СССР от 14.01.1941 за подписями Президента АН В. Л. Комарова и Вице-президента О. Ю. Шмидта). Заведовал Лабораторией П. П. Ширшов, его заместителем был В. Г. Богоров. В Институт Лаборатория была преобразована 31.01.1946 г. распоряжением Президиума АН СССР (Кузнецов, Нейман, 2005).

Мой муж – Щапов Николай Петрович, профессор-генерал, директор службы пути и строительства служит в ЦНИИ (Москва, Графский пер., 3).

Моя дочь – Щапова Татьяна Николаевна учится в Моск[овском] Университете на III курсе филолог[ического] факультета.

Моя сестра – М. Ф. Алфёрова служит преподавателем на кафедре иностранных языков в Военн[ой] Химич[еской] Академии.

Родственников и знакомых за границей не имею.

10.I.50 г. *ПОДПИСЬ Т. Ф. Щаповой*

Татьяна Фёдоровна по понятным причинам не афишировала своё *непролетарское* происхождение: в анкетах писала «из служащих» или «из мещан». Но вот почему в официальном документе не назван её родной брат Михаил – удалось понять не сразу. Он не был репрессирован, не пропадал без вести на войне, наоборот: служил в Красной Армии, к 1950-м годам был уже известным учёным-гидрологом… Об этом – позже.

Родители ТФ могли бы быть знакомы друг с другом: связи текстильных фабрик в Москве и Егорьевске были тесными и не только деловыми, но и неформальными. Так, сын егорьевского фабриканта Алексей Иванович Хлудов был приятелем Павла Васильевича Щапова и его наставником в собирательстве книг. А отец Ермионии М. И. Щапов, как мы уже знаем, управлял фабрикой своих двоюродных братьев. Однако в книге Н. М. Щапова (1998) в главе «Свадьба сестры Мины» мы читаем: «Я до сих пор не понимаю, как мои родители, умные люди, горячо любившие своих детей, могли дать мне и Мине такое неправильное общественное воспитание. Это воспитание изуродовало наши характеры на всю жизнь, а для сестры как для женщины могло привести и к катастрофе. Я и в детстве, и в отрочестве, лет до 16-ти, совершенно был лишён общества своих ровесников. <…> Когда я поступил в школу, то мать (отца уже не было в живых) не наводила меня на мысль пойти к школьникам-товарищам или пригласить их к себе. Если бы это пришло мне в голову, то показалось бы диким измышлением, совершенно несоответствующим семейному укладу. Из-под этого гипноза я начал высвобождаться лишь с 7–8-го класса школы. <…> То же было и с Миной. <…> Мина после смерти папы осталась девушкой на выданье 22 лет, но без общества, где она могла бы найти жениха. Девушки того времени и нашего класса не служили. Получить высшее образование им было очень трудно. <…> Она рисковала стать перезрелой невестой, выйти замуж за неудачника или остаться старой девой. Её спас оригинальный человек» (ibid., 128–130). Этот «оригинальный человек», живший по соседству врач Е. М. Карлин, сосватал Ермионию Михайловну и Фёдора Михайловича, которые были незнакомы друг с другом.

Отец ТФ, Фёдор Михайлович Менкель, родился в Петербурге в 1866 г., в немецкой протестантской семье, с которой после переезда в Москву отношений не поддерживал. В 1894 г. он перешёл в православие, «чтобы облегчить себе сватовство к Мине и из-за возможного маминого предубеждения против иноверцев. При его атеизме этот формальный переход я считаю вполне простительным, был ли он сделан из-за

любви к Мине или просто из желания создать себе семью» (ibid., 134). Он служил в конторе Бумагопрядильной фабрики Хлудовых в Хрустальном переулке, будучи иностранным корреспондентом и помощником бухгалтера, «получал жалование и ежегодно полагавшееся отчисление от прибылей. Мы считали, что зарабатывал он в год 4800 рублей» (ibid., 136). Сама фабрика располагалась в городе Егорьевске Рязанской губернии (с 1922 г. – в Московской губернии). Она была основана в 1845 г., к 1900 г. стала крупнейшей текстильной мануфактурой в губернии со штатом в 6600 работников и годовым доходом в 14 млн рублей. Фабрика была оборудована новейшими английскими станками, уже в 1893 г. на ней было и электрическое освещение, и телефон. Она работает по сей день как ООО «Егорьевский текстиль» (Википедия).

Бракосочетание родителей ТФ состоялось 26 августа 1894 г., венчание прошло в церкви Св. Апостолов Петра и Павла на Новой Басманной улице в Москве. Построенная в 1692 г. в стиле петровского барокко, она и сейчас стоит на Н. Басманной улице (дом № 11). В этой же церкви крестили новорожденную Таню Менкель 10 марта 1902 г. (как, скорее всего, и других детей семьи) (рисунки 10а, б).

Рис. 10 – Церковь Св. Апостолов Петра и Павла: **а**) 1910-е годы, **б**) 2010.
Фотографии из Википедии

Приглашение на свадьбу было оформлено от имени жениха и невесты, что было знаком некоторого «вольнодумства» жениха: традиционно на свадьбу детей гостей приглашали их родители (рисунок 11). Меню праздничного обеда также было разработано женихом, причём в него были включены и «музыкальные паузы» при перемене блюд, исполнявшиеся приглашённым оркестром В. А. Бармина. «Музыкальное меню» включало 7 номеров: в основном танцевальные пьесы П. Чайковского, А. Рубинштейна, Дж. Верди, Ф. Бюхнера и других. Кстати, не в пример нынешним нуворишам, купеческий свадебный обед был довольно скромным: суп с пирожками,

жаркое из нескольких сортов дичи с грибным соусом, «лососина жардиньеръ, пуншъ глясе, парфе фисташковое, желе и масседуанъ[8]», а также «кофе, фрукты, французскія конфекты».

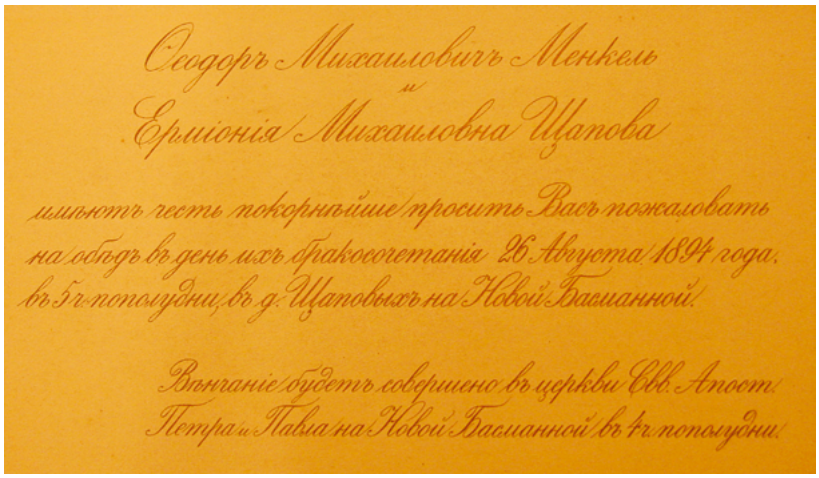

Ѳеодоръ Михаиловичъ Менкель
и
Ермiонiя Михаиловна Щапова
имѣютъ честь покорнѣйше просить Васъ пожаловать
на обѣдъ въ день ихъ бракосочетанiя 26 Августа 1894 года,
въ 5 ч. пополудни, въ д. Щаповыхъ на Новой Басманной.
Вѣнчанiе будетъ совершено въ церкви Свв. Апост.
Петра и Павла на Новой Басманной въ 4 ч. пополудни.

Рис. 11 – Приглашение на свадьбу родителей ТФ. Из: ЦГА, ф. Л-310, оп. 2, д. № 205

Жених подарил Мине «богатый бриллиантовый набор с изумрудами: брошь, кольцо, браслет», а невеста ответно подарила ему жемчужную булавку в галстук. Приданое за Ермионией было солидное: новая мебель для нескольких комнат, например, гостиная «в стиле Людовика XVI, тёмно-ореховая с золотом, обитая зелёным шёлком с розовыми цветами», «роскошное бельё, носильное и постельное, платья, шубы, шляпки, детское бельё для новорожденных, драгоценности»… (Щапов, 1998, с. 132). Всего этого было столько, что, например, детское *неиспользованное* бельё пригодилось для *внуков* Мины через четверть века (Алфёрова, 1981–1996). Брак оказался удачным, в нём появилось трое детей: весной 1897 г. родилась Маня, в декабре 1898 г. – Миша, а в марте 1902 г. – Таня (рисунок 12).

Но семейное счастье продолжалось менее 9-ти лет: Фёдор Михайлович в заграничной поездке простудился, «весной 1903 года перемогался, ездил в контору с повышенной температурой. В мае этого года он заболел воспалением лёгких и недели через две-три умер. <…> Как мне было жалко Мину! Дал себе обещание помогать ей. Хорошо ли я сдержал его? Думаю, что некоторую пользу её детям принёс, особенно Мише. Пока не было своих детей, считал его за сына. Смерть Фёдора Михайловича была огромным горем для Мины. Она осталась вдовой 32 лет с тремя детьми. Она гордо несла своё горе и вторично не вышла замуж, всю себя отдав их воспитанию». (ibid., 136–137)[9].

[8] Маседуан – холодное сладкое блюдо: нарезанные фрукты и ягоды в желе. Например, «Монплезирский маседуан» из дыни, персиков, абрикосов, клубники, малины и вишни в желе из шампанского (Википедия).

[9] Ермиония Михайловна до конца своих дней преданно служила семье, помогая детям воспитывать своих внуков: четверых от Марии и по одной дочери у Михаила и ТФ. Даты её жизни: 05.11.1870–21.01.1940.

Рис. 12 – Фёдор и Ермиония Менкели со старшей дочкой Маней. 04.06.1897.
(Щапов, 1998, с. 135)

В комментарии Марии Алфёровой к этой записи сказано: «… своё слово он сдержал. <…> Николай Михайлович стал олицетворять мужское начало в семье. Ни одно дело не принималось без его совета. Нам, детям, он уделял большое внимание, был для нас высшим авторитетом. Мы его очень любили». В своих «Воспоминаниях» она говорит о дяде Коле более развёрнуто и подчёркивает, что он ни разу не повысил на них голос, никогда не раздражался, даже если они затевали возню в его кабинете, буквально у него под ногами. Собственное детство, в котором он был лишён дружбы со сверстниками, научило «дядю Колю» с особым тактом и добротой относиться к своим племянникам, а затем и к собственным детям (рисунок 13).

Здесь самое место немного подробнее остановиться на личности человека, сыгравшего огромную роль в жизни ТФ, не знавшей своего отца. Недаром она упоминает его в своей автобиографии – сугубо казённом документе, в котором неуместна «второстепенная» родня вроде дядюшки. **Николай Михайлович Щапов** (4/17.06.1881–28.05.1960) был учёным-гидротехником, доктором технических наук, выдающимся специалистом по гидроэнергетике, гидрологии и орошению. Племянник Миша Менкель выбрал свою специальность под его влиянием. В 1905–1913 гг. Н. М. Щапов занимался в Средней Азии проектированием будущего Большого Ферганского канала (построенного лишь в 1939–1940 гг.), в 1911 г. ездил в Египет для изучения организации орошения на Ниле. После революции уцелел (хотя был довольно активным членом партии Конституционных демократов – кадетов), работал по специальности.

Он был лауреатом Сталинской премии третьей степени (1948), автором 8 монографий и учебников (его учебник «Турбинное оборудовании гидростанций» переиздавался трижды) и более 170 статей. В 1946 г. он был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Но гораздо более широкую известность Н. М. Щапов получил как превосходный фотограф, оставивший бесценный архив снимков старой Москвы, своей семьи, жанровых сцен, архитектурных памятников (рисунки 14а, б). Всю свою жизнь, с 8 лет, Н. М. Щапов вёл дневники, которые, как и фотоархив Щапова, хранятся в ЦГА Москвы.

Рис. 13 – Дядюшка и трое племянников (Таня стоит на лесенке). 27 сентября 1909 г. (Щапов, 1998, с. 222). [*См. дату: ТФ осталось жить ровно 45 лет – ОВМ*]

Во время Первой мировой войны, в 1915 г., Николай Михайлович открыл в своём доме магазин технической книги «Сила». Это был первый и единственный на тот момент книжный магазин данной тематики в России. «Не стыжусь сидеть в Москве, считая, что моя торговля приносит большую пользу русской промышленности, обслуживая её технической литературой» (Н. Щапов, 1998, 263, запись от 02.02.1917). От призыва он был освобождён как преподаватель Императорского технического училища. Обе племянницы работали в «Силе» продавщицами, даже после национализации магазина (рисунок 15).

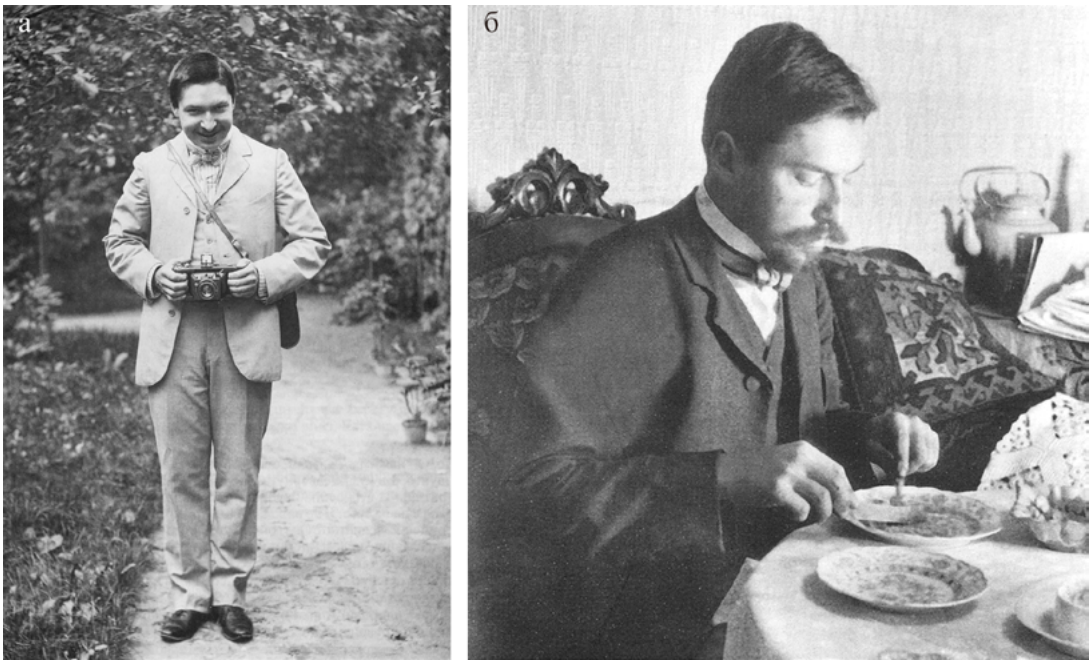
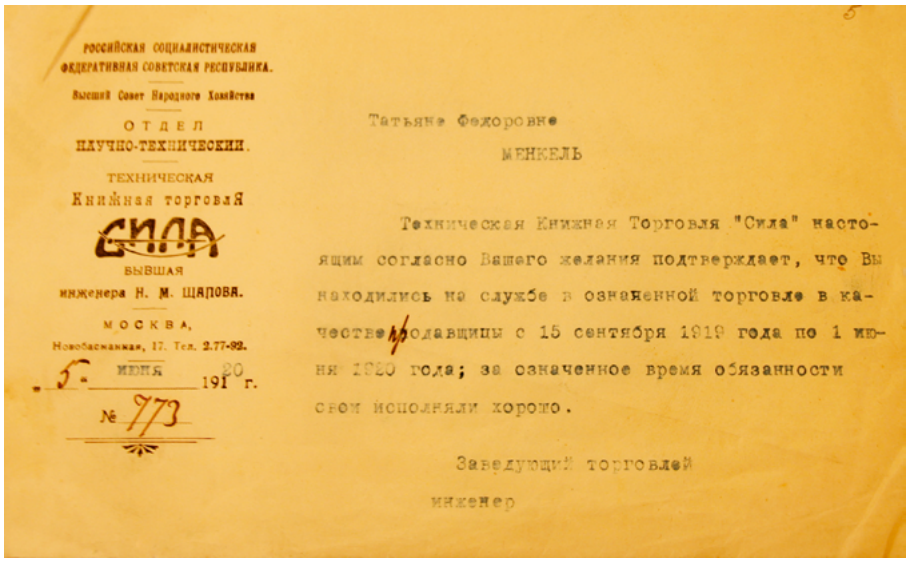


Рис. 14 – **а**) Н. М. Щапов с фотоаппаратом. 29.6.1902; **б**) он же за ужином в доме на Новой Басманной ул. 17.10.1908. (Щапов, 1997, с. 30 и 34)



РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.
Высший Совет Народного Хозяйства
ОТДЕЛ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ.
ТЕХНИЧЕСКАЯ Книжная торговля
СИЛА
БЫВШАЯ инженера Н. М. ЩАПОВА.
МОСКВА,
Новобасманная, 17. Тел. 2.77-92.
5 июня 1920 г.
№ 773

Татьяне Федоровне
МЕНКЕЛЬ

Техническая Книжная Торговля "Сила" настоящим согласно Вашего желания подтверждает, что Вы находились на службе в означенной торговле в качестве продавщицы с 15 сентября 1919 года по 1 июня 1920 года; за означенное время обязанности свои исполняли хорошо.

Заведующий торговлей
инженер

Рис. 15 – Справка, выданная Т. Ф. Менкель о её работе в магазине «Сила» – «бывшем инженера Н. М. Щапова». (ЦГА, ф. Л-310, оп. 2, д. № 219)

М. Ф. Алфёрова вспоминала: «… в 1918 г. осенью магазин дяди Коли был национализирован. Однако районный Совет Басманного комиссариата потребовал от дяди Коли заплатить 4000 рублей. Денег не было, да, дядя Коля получил от Народного комиссариата торговли и промышленности, куда он обратился с жалобой, заверение, что требование Райсовета незаконно. Тем не менее, в ночь на 8-е сентября у дяди Коли был произведён обыск, продолжавшийся до утра. Ничего недозволенного не нашли,

но дядю Колю арестовали и под охраной милиционеров рано утром повели в Лефортовские казармы. <…> Все мы, конечно, были очень подавлены произошедшим, но тут же решили хлопотать об освобождении дяди Коли. <…> Удалось достать от московских книгоиздателей Сытина, Сабашникова и др[угих] ходатайство об освобождении дяди Коли, адресованное в Моссовет, В. Д. Бонч-Бруевичу. <…> Я прошла в здание Моссовета <…> Пришлось пройти через ряд помещений, поразивших меня своей запущенностью, грязью, окурками на паркетных полах, грязными чехлами на мебели. Бонч-Бруевич, полный человек, бородатый и в очках, принял меня доброжелательно и тут же, прочтя принесённую мною бумагу, <…> поставил на неё резолюцию, адресованную председателю Московского Совдепа т. Каменеву <…> такого содержания: «Обращаю Ваше внимание на незаконные действия Басманного комиссариата, которые должны быть немедленно приостановлены. Подательница сего, служащая этого магазина, расскажет Вам всё подробно. Магазин «Сила» его владельцем по его собственной инициативе передан в Высший совет народного хозяйства» (Алфёрова, 1981–1986). Н. М. Щапова освободили, но скоро явилась новая напасть: весной 1919 г. на дом Щаповых стали претендовать соседи из отделения ВЧК, тоже располагавшегося на Н. Басманной. Ещё раньше Щаповых «уплотнили», вселив к ним в дом несколько, по счастью, вполне интеллигентных семей, среди которых была семья профессора Круга, видного специалиста по электротехнике, участника разработки плана ГОЭЛРО[10]. «И вот он обратился лично к Ленину с просьбой не допустить конфискации дома, т. к. в нём ведь жил он сам» (ibid). Так Щаповых и не выселили из родного дома, хотя потом всю жизнь они делили его с новыми жильцами и их потомками.

Дальнейшая жизнь Николая Михайловича и его семьи протекала сообразно особенностям времени и страны. Репрессии его не затронули, Великая Отечественная война пощадила. Эпиграфом к его книге, увидевшей свет через 28 лет после его смерти, его сын Ярослав поставил слова отца: «Во-первых, я не любил, не знаю с какого возраста, плыть со всеми по течению, я любил выбирать свой, не похожий на другие, путь. Во-вторых, я верил в Россию, что она ничем не хуже других стран».

Мы ещё не раз вернёмся к Н. М. Щапову. Но теперь – очень кратко – расскажем о старших детях Менкелей, старясь не повторять того, что уже сказано.

Старшая сестра ТФ, Мария Фёдоровна, по-домашнему Маня, прожила невероятно долгую жизнь: 97 лет (29.03.1897–31.12.1993) (рисунки 16а, б). Свои «Воспоминания», которые мы уже не раз цитировали, она написала в старости (1981–1986) по настоянию родных. В этом машинописном документе на 171-м листе описан быт семьи Щаповых от начала XX века до окончания Великой Отечественной войны. Поразительные по подробности изложения картины мирной семейной жизни, детства (а пишет женщина на девятом десятке!), занятий с учителями, заграничных поездок, детали интерьеров квартир и домов в Москве и на дачах, сдержанные описания лишений во время войны, горестные слова о потерях…

[10] ГОЭЛРО – **Го**сударственная комиссия по **эл**ектрификации **Ро**ссии и сам план электрификации. Работы велись под руководством В. И. Ленина. Карл Адольфович Круг (1873–1952), чл.-корр. АН СССР (1933), действительно был в составе комиссии.

Рис. 16 – **а**) Маня Менкель. 23.06.1914; **б**) Мария Фёдоровна Алфёрова. 1927–1928 гг.
Фотографии Н. Щапова. ЦГА, ф. Л-310, оп. 2, д. № 224

Рис. 17 – Здание гимназии им. В. П. фон Дервиз в 1910-х гг.
Фотография с сайта: pastvu.com

Рис. 18 – Таня Менкель – гимназистка. 31.05.1918. ЦГА, ф. Л-310, оп. 2, д. № 216
На обороте этой карточки – стихотворение Д. Мережковского «Мы идём по цветущей дороге…»

Мария Фёдоровна, а позже и ТФ, учились в одной из лучших гимназий Москвы – частной гимназии им. В. П. фон Дервиз в Гороховском переулке (рисунки 17 и 18). Здание гимназии стоит и поныне, в нём по-прежнему образовательное учреждение с музеем. В гимназии учились девочки из *хороших* семей, достаточно назвать

Марину Цветаеву и Рину Зелёную[11]. Высшее образование Мария Фёдоровна получила на Высших женских курсах, на историко-философском факультете по специальности «Романская литература».

В 1920 г. она вышла замуж за Валентина Васильевича Алфёрова, преподавателя математики и механики в МВТУ и в Энергетическом институте. В 1921 г. родилась их старшая дочь Елена, а всего у них было пятеро детей: сыновья Андрей и Лев (умер в возрасте 1.5 лет) и дочки-близнецы Ася и Наташа. Большую часть своей жизни Мария Фёдоровна проработала преподавателем иностранных языков в Военной Химической Академии им. К. Е. Ворошилова.

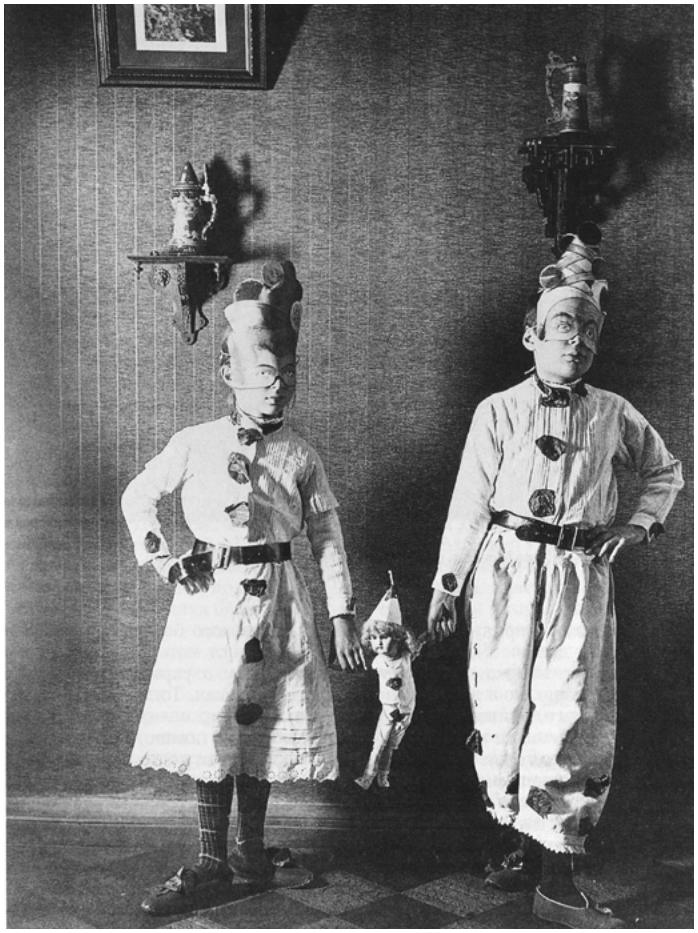


Рис. 19 – Таня и Миша Менкели в карнавальных костюмах. 31.12.1909.
Фотография Н. М. Щапова. (Я. Щапов, 1997)

Меня, конечно, более всего интересовали воспоминания старшей сестры о ТФ. Последняя, 37-я глава рукописи, так и озаглавлена: «Сестра Таня». К сожалению, она в значительной своей части состоит из пересказа статьи М. С. Киреевой (1957), которая и после гибели ТФ продолжала тесные контакты с её семьёй. Но некоторые

[11] Подробнее о гимназии, с фото интерьеров, в которых учились девочки Менкель, по ссылке: https://e11enai.livejournal.com/87881.html.

воспоминания Марии Фёдоровны о детстве ТФ – изумительны по своей живости, а то и драматичности. Так, она пишет о тяжелейшей дизентерии трёхлетней Тани, от которой та едва не умерла летом 1905 г. «Она на всю жизнь осталась хрупкой, <…> худенькой и стройной. Глаза у неё были большие, карие, как у нашей мамы, волосы пепельного цвета. <…> Она была очень дружна с Мишей» (рисунок 19). «Был период, когда они играли только вдвоём. Весной и осенью они вытаскивали на двор своих лошадок, сооружали из камней, которые лежали в куче за дровяным сараем, печку. Топили её щепками и что-то варили. Таня почти не играла в куклы. Дома она играла с Мишей в солдатики. Лет с семи она, умея уже читать и писать по-русски, занималась с француженкой, которая давала уроки и нам с Мишей. Помню, как француженка читала ей какую-то сказку, а она слушала её, сидя под столом[12]. Она была очень способной и прекрасно училась в той же гимназии фон Дервиз, где и я[13]. Она знала французский, немецкий и английский языки и читала не только научную, но и художественную литературу на этих языках. Она была самой музыкальной из нас и хорошо играла на рояле. Уроки на фортепьяно она одно время брала у известного в Москве профессора Д. Шора[14]». После революции 1917 г. Мария Алфёрова вместе с матерью работали на курсах ликвидации неграмотности, где могли пообедать «супом из костей и кашей». ТФ повезло больше: «Таня в это лето (1919) жила за городом в качестве учительницы дочки начальника станции Раменское. Как железнодорожник, да ещё такой «хлебной» дороги, как Казанская, начальник и его семья жили прекрасно, и Тане жилось с ними очень хорошо» (Алфёрова, 1981–1986, глава «Революция»).

В главе 22 «Вторая поездка за границу» Мария Фёдоровна вспоминает, как в 1908 г. в парке Цюриха шестилетняя Таня в лёгком платьице, «догоняя Мишу, на всём бегу упала» на посыпанную гравием дорожку и «очень сильно ободрала руки до локтей и коленки. <…> Не желая пугать маму с бабушкой, бедняжка Таня повторяла: «Мне не больно! Мне совсем не больно!»». «Таня была весёлой, остроумной и общительной девушкой, и в Университете у неё оказалось много друзей. Особенно близка ей стала Мария Степановна Киреева, тогда тоже студентка. Мария Степановна, вследствие перенесённого детского паралича, сильно хромала на одну ногу, однако это не мешало ей быть всегда жизнерадостной и участвовать в труднейших экспедициях вместе [с Таней]. Таня и Мария Степановна (МС) стали друзьями на всю жизнь. МС стала и близким другом нашей семьи» (рисунок 20).

Рис. 20 – Мария Степановна Киреева (1898–1989). Из Архива ВНИРО

Сёстры были близки, деятельно дружили, постоянно общались. ТФ посылала сестре, зятю и младшим

[12] Кто же не любил слушать сказки, особенно страшные, именно *сидя под столом*!
[13] Поступила туда в 1912 г., окончила в 1919 – уже «среднюю школу» (Личное дело, Архив ИО).
[14] Шор Давид Соломонович (1867–1942) – российский и палестинский пианист, педагог, деятель сионистского движения, правозащитник.

племянницам-близняшкам открытки из своих поездок. Маня вместе с Ермионией Михайловной «выпасала» Татулю, дочку ТФ, во время её экспедиций и частых командировок её мужа.

Брат ТФ Михаил Фёдорович Менкель (13/26.12.1898 – 08.08.1972) (рисунок 21), Миша, в детстве, как мы только что выяснили из «Воспоминаний» Алфёровой, был очень дружен с младшей сестрой. Но потом, когда они стали взрослыми, что-то произошло между ними настолько серьёзное, что ТФ даже не упомянула его в автобиографии. В дневнике Н. М. Щапова от 28 сентября 1954 г., в день, когда они узнали о гибели ТФ, упоминается о неладах в их отношениях: «Брат Миша к сёстрам совершенно хладнокровен, как будто они чужие (влияние его жены Тамары?)». Видимо, у ТФ настолько не сложились отношения с «женой Тамарой», что разрыв с когда-то нежно любимым братом смогла преодолеть только смерть: на поминки он всё-таки пришёл...

Рис. 21 – Михаил Фёдорович Менкель, брат ТФ (1898–1972). Из Википедии

Михаил Фёдорович стал доктором наук, профессором, в 1951 г. – лауреатом Сталинской премии III степени (как и дядюшка!) за коллективную монографию «Гидрологические основы речной гидротехники». Работал в Гидропроекте, проектировал разные ГЭС и каналы, а в последние годы жизни был заместителем директора Института водных проблем АН СССР.

Муж ТФ Николай Петрович Щапов (06/19.08.1896–27.12.1968) родился в Москве, крещён в Богоявленском соборе в Елохове, старостой которого был его прадед Василий Иванович. М. Ф. Алфёрова характеризует его так: «Петя[15] и Коля всегда отвергали то, что нравилось другим, <…> они [были] «мальчики наоборот». <…> Петя и Коля в детстве были выдумщиками всяких шуток и проказ. [Коля] по своему общему развитию стоял выше нас всех, был иногда излишне самонадеян, смотрел на всех несколько свысока и, унаследовав от отца насмешливый ум, любил подмечать у окружающих недостатки и посмеиваться над ними. <…> И всю жизнь он был склонен к шуткам и насмешкам, любил подурачить ребятишек, своих племянников. Леночка до сих пор вспоминает, как он рассказывал ей, <…> что у него в комнате, в диване живёт «тигра морская». Уверял, что если птичка поёт громко, то рыбка поёт молча».

Несмотря на *сомнительное* купеческое происхождение, Николай Петрович смог закончить в 1923 г. Московский Институт инженеров путей сообщения Наркомпроса РСФСР и был принят в его штат. В 1929 г. он стал ещё и заведовать Отделением испытаний материалов во ВНИИ железнодорожного транспорта (ВНИИЖТ), где разработал признанные ныне классическими способы упрочнения металлоконструкций

[15] Пётр Петрович Щапов-младший, старший из семерых детей ППЩ-старшего. Погиб на Первой мировой войне, куда отправился добровольцем вместе со своим неразлучным мотоциклом.

при критических нагрузках. Щапова настолько высоко ценили как эксперта-«прочниста», что нарком путей сообщения СССР Л. М. Каганович подписал мандат, который обязывал руководство всех железных дорог СССР экстренно предоставлять Щапову паровоз с салон-вагоном для служебных поездок по стране, в том числе на места железнодорожных аварий. В 1935 г. доктор техн. наук Н. П. Щапов возглавил кафедру «Сопротивление материалов» МИХМ[16]. Он приходил на лекции в белой генеральской форме, что производило на студентов неизгладимое впечатление, не меньшее, чем его блистательные лекции. Откуда же взялась у профессора генеральская форма? (рисунки 22а, б и в).

В 1943 г. для служащих системы Наркомата путей сообщения (с 1945 г. – Министерства путей сообщения – МПС СССР) была введена новая форма военного образца и определены персональные звания. Начальнику отделения ВНИИЖТ Н. П. Щапову Совнаркомом (*Советом народных комиссаров = правительством – ОВМ*) РСФСР было присвоено звание высшего начальствующего состава НКПС-МПС «Генерал-директор пути и строительства третьего ранга». Зимний вариант кителя был тёмно-синего сукна, а в летнем варианте китель был белый с гербовыми пуговицами[17]. Вот почему на похоронах жены Николай Петрович был в белой форме.

Рис. 22 – Николай Петрович Щапов **а**) июль, 1914; **б**) 1928, Париж; **в**) в летней генеральской форме. Июль, 1954. Все фотографии: ЦГА, ф. Л-310, оп. 2, д. № 257

Н. П. Щапов, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, был награждён орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Он был не только выдающимся инженером и учёным, но и остроумным, обаятельным человеком, писал стихи, обожал балет, особенно творчество Галины Сергеевны Улановой. Он не терял чувства юмора

[16] МИХМ – Московский институт химического машиностроения, ныне объединён с другими учреждениями в Институт инженерной экологии и химического машиностроения (Википедия).

[17] Китель имел погоны из серебряного металлизированного галуна с вышитыми золотом звёздочкой и эмблемой в виде арочного моста и серебряные пуговицы. При парадном варианте формы полагался офицерский кортик на тканом серебряном поясе (Любартович, 2021а).

и присутствия духа даже в по-настоящему опасных обстоятельствах. «Однажды я с Асей и Наташей была на Новой Басманной у Тани, и при сигнале «Воздушная тревога!» мы все спустились в подвал. Коля, дядя Коля и другие мужчины дежурили на дворе и на крыше каретного сарая. Вдруг раздался страшный взрыв, дверь в подвал распахнулась от воздушной волны, мы все вскочили. Оказалось, что бомба попала во двор соседнего дома. <…> В нашей бывшей детской наверху вылетели все стёкла из окон. По счастью, никто из дежурных не пострадал. Коля Щапов отозвался на это событие стихами:

«Бомба летела, свистела и бахнула.
Старая тётка от ужаса ахнула.
Натка проснулась, а Ася спала.
Много разбитого было стекла».

(Алфёрова, 1981–1986, с. 157).

Его стихи вошли в несколько сборников, в том числе – в самодеятельный сборник стихов «Мосты» пяти профессоров кафедры, изданный в 2002 г. в МИИТе. В пояснениях к обширной юмористической поэме «Суд Париса» (о научной карьере трёх канонических красавиц; 1948) он, многолетний член ВАКа, написал: «ВАК – учреждение с загадочными функциями, о характере которых делают догадки, связывая это слово с “vacuum” и “vacca”». Досталось и Академии с Президиумом: «Академия – заведение в эпоху Гомера, состоявшее при Академснабе»; «Президиум – по другим источникам ринг». Но аспирантов он явно жалел: «Аспирант – spiro – дышать, а – отрицание» (ЦГА, Л-310, опись 2, дело № 276). Не сказать, чтобы с 1948 г. что-то сильно изменилось, разве что аспиранты стали ленивее… В 1952 г. на «ссылку» гениального, трагического памятника Н. В. Гоголю работы Н. А. Андреева[18] в укромный двор и водворение на его место стандартно-помпезного монумента работы Н. В. Томского Щапов отреагировал так:

«Юмор Гоголя нам мил,
Слёзы Гоголя – помеха.
Сидя, грусть он наводил?
Пусть стоит теперь – для смеха!»

Николай Петрович писал трогательные и весёлые письма своей жене, называя её «Милый Танюшечек» и при этом обращаясь к ней на «Вы». Одно из них, от 21 мая 1936 г. невозможно не процитировать: «Наверное, сейчас Вас где-то качают Каспийские волны, надеюсь не слишком сильно. Татуля спит. По радио сейчас слушал концерт негритянской певицы Андерсен[19] (поймал самый конец), хорошо и очень, но очень грустно. <…> Утром Татуля обратилась ко мне [за] советом, стоит ли ей

[18] Памятник был установлен в 1909 г. в год столетия Гоголя. Архитектором был Ф. О. Шехтель, который помогал проектировать дом П. В. Щапова. А пятикратного лауреата Сталинской премии Томского по иронии судьбы звали Николаем Васильевичем. Ситуация вполне в духе Гоголя!

[19] Мариан Андерсон (1897–1993) – американская оперная певица, контральто. В 1930-х гастролировала в Европе и в СССР. Первая афроамериканка, выступившая в Метрополитен-опере (1955).

поступать в балетную школу. Я ей объяснил, что призвание никогда не надо делать профессией. Она вполне со мной согласилась и решила танцами заниматься только по совместительству. Понятливое дитя» (ЦГА, ф. Л-310, оп. 2, д. № 222).

М. Ф. Алфёрова в главе «Сестра Таня» так пишет о нём: «Горячо любя Таню, тоскуя о ней во время её нахождения в экспедициях, длившихся обычно по нескольку месяцев, он никогда не мешал ей работать, зная, как интересует Таню её работа» (ibid., 167–168).

Николай Петрович скончался 27 декабря 1968 г. от болезни Паркинсона, пережив Татьяну Фёдоровну на 14 лет и ровно 3 месяца. Ученики Щапова помнят его: по предложению коллектива кафедры его портрет весной 2001 г. был помещён в галерею портретов основоположников МИХМа (Любартович, 2021а).

Дочь ТФ и НП – Татьяна Николаевна (1929–1985) окончила филологический факультет МГУ в 1952 г., получив специальность «Иранская филология». В семье её называли Татуля. Характерная запись из воспоминаний её тёти о жизни на даче: «Лена, Андрюша (*дети Алфёровой – ОВМ*) и Татуля были здоровы, и я каждое утро ходила с ними купаться. <…> Таня, как всегда, была в экспедиции» (Алфёрова, 1981–1986, с. 158). Поскольку родители всё время были в разъездах, Татуля оказалась по большей части на попечении бабушки Мины вплоть до её смерти в январе 1940 г. Из того же источника: «Мама часто приходила к нам с Татулей. Обычно мама шла впереди, а Татуля сзади и часто отставала, заглядевшись на что-нибудь. Тогда мама останавливалась, звала её, говоря: «Смотри, вон бежит собака, ещё укусит тебя». Татуля тут же останавливалась, оглядывалась кругом и спокойно спрашивала: «Где собака?» Она была девочка очень живая, умненькая и шаловливая. Любила сделать что-нибудь запрещённое, а потом наблюдать за реакцией взрослых. <…> Часто, гуляя, брала в рот что-нибудь неподходящее. Однажды <…> она, подойдя к нам, заявила: «А я опять грязи ем!» Занятая разговором с мамой, я ей ответила: «Ешь, только молчи!» Заметив, что никакого интереса, а главное – ожидаемого ею возмущения – её поступок у нас не вызвал, она потеряла интерес к нему и больше «грязи» в рот не брала» (ibid., 148). Этот текст М. Ф. Алфёровой так и просится в учебник педагогики. Возможно, именно это свойство – сделать что-нибудь запрещённое и с удовольствием наблюдать возмущение родни – определило её первое замужество. Впрочем, и второе было не менее эпатажным. Об этом – позже. Но заметим: как различались характеры матери и дочери, этих двух Татьян. Уже маленькой – заботливая Таня («Мне не больно!»), и своевольная Татуля, сбрасывающая на бегу подушки с садового кресла пожилой родственницы и демонстративно поедающая «грязи». Сейчас бы сказали «недостаток внимания», и это, возможно, так и было, но ведь ещё и генетика – от ехидного насмешника деда, от шутника и юмориста-отца.

В ЦГА мало её фотографий, с ТФ – одна совсем маленькая и очень плохого качества. Да новорожденную Татулю там и не разглядеть. Есть снимок с отцом и ещё с какими-то родственниками на даче. А выросла она в настоящую красавицу, и своеобразный характер её прекрасно виден на обеих фотографиях (рисунки 23а, б).

Рис. 23 – **а**) Татуля и Николай Петрович на даче. Конец 1930-х?
б) Татьяна Николаевна Щапова. 1950–1960-е? ЦГА, ф. Л-310, оп. 2, д. № 279

Теперь о семье мы рассказали почти всё, осталась лишь небольшая «глава» в самом конце этой статьи. Пора, наконец, рассказать о том, что было профессией Татьяны Фёдоровны.

Научная деятельность Татьяны Фёдоровны Щаповой

ТФ окончила гимназию в 1919 г., на следующий год поступила на 1-й курс МГУ, на естественное отделение физико-математического факультета, которое окончила в 1925 г., получив специальность физиолога растений. Этому не помешало даже заболевание туберкулёзом (1924), который впоследствии регулярно давал о себе знать (Киреева, 1957).

Этот текст вполне совпадает со сведениями из Личного дела ТФ в Архиве ИО. Но в ЦГА я обнаружила занятный документ, датированный 12 декабря 1918 г. «Свидетельство № 1927 дано от Московского Высшего Технического училища. Предъявитель сего – студент электро-технического отделения. Имя: Татьяна Отчество: Фёдоровна Фамилия: Менкель. Время рождения: 1902. Подпись владельца свидетельства [*отсутствует – ОВМ*]. В удостоверение чего дано ему сие свидетельство сроком по 1 января 1919 года для свободного проживания повсеместно в пределах России». Подписано «секретарём по студенческим делам». На круглой печати училища ещё, как и в тексте, дореформенная орфография, но уже серп и молот. Почему-то на самом верху листа напечатано «Год поступления в учебное заведение» и вписано «1918». Что это такое? Именно в МВТУ (теперь это МГТУ им. Н. Баумана) служил «дядя Коля». Наверное, он на всякий случай выправил такие «документы» своим племянникам в

то странное и не вполне безопасное время. Ясно, что никакой электротехнике ТФ не обучалась. Но слова о повсеместном «свободном проживании» и сейчас находят душевный отклик.

В университете большое влияние на становление научных интересов, да и самой личности ТФ, оказало общение с профессором В. М. Арнольди. Она слушала его лекции и прошла под его руководством большой практикум. О Владимире Митрофановиче Арнольди (1871–1924) рассказано в нашем журнале за 2021 г., в материале о Новороссийской биологической станции. Он переехал из Новороссийска в Москву в 1922 г. и почти 2 года преподавал гидробиологию в 1-м МГУ. Киреева характеризует его как «широко образованного учёного, прекрасного лектора, педагога и очень хорошего человека» (1957, с. 5). Арнольди был энтузиастом натурной работы биологов, поэтому стал организатором двух биостанций – Северо-Донецкой на реке Северный Донец при Харьковском университете и Новороссийской. По его рекомендации Таня Менкель прошла полевую практику на Косинской биологической станции на ледниковых озёрах – Белом, Чёрном и Святом. Это знаменитое Косинское Трёхозёрье упоминается ещё в летописи 1401 г. Лимнологическая станция была там организована в 1908 г., на ней работали учёные, ставшие легендарными: Г. А. Кожевников, И. И. Месяцев, Л. Л. Россолимо, Л. А. Зенкевич и многие другие (Википедия). ТФ изучала там альгофлору пресных водоёмов и торфяников, в том числе половой процесс у десмидиевых водорослей. Сезонная студенческая практика обернулась несколькими годами глубоких и подробных исследований (Киреева, 1957).

Сейчас район Косино находится на восточной границе Москвы, примерно в 3 км от метро «Выхино». Ледниковые озёра «заантропогажены», тем более, что после закрытия станции в феврале 1941 г. там открыли торфоразработки (Садчиков, 2015). Но тогда, в начале 1920-х годов, это заповедное и чистое место притягивало многих учёных и натуралистов, и, как ни удивительно, Косинские озёра для нескольких человек открыли путь к Мировому океану. Среди них была и Таня Менкель. Дело в том, что на Косинской биостанции работали люди, одновременно связанные с деятельностью знаменитого Плавучего морского научного института, Плавморнина, созданного декретом Совета Народных Комиссаров при МГУ в 1921 г. для изучения северных морей. Руководителем Плавморнина стал Иван Илларионович Месяцев, а его заместителем по научной части – Лев Александрович Зенкевич, хорошо знакомые Татьяне Фёдоровне по Косину («Учёные Института океанологии…», 2006). Впоследствии (1929) Плавморнин был преобразован в Государственный океанографический институт (ГОИН) Гидрометкомитета при СНК СССР, а в 1933 г. ГОИН объединили с Центральным НИИ морского рыбного хозяйства, и так появился всем известный Всесоюзный Институт рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО). Первая экспедиция Плавморнина была проведена в 1921 г. (ледокол «Малыгин», Баренцево и Карское моря), а в 1922 г. к Плавучему институту был приписан легендарный «Персей», на котором с 1923 по 1941 гг. было совершено 84 исследовательских рейса в Арктику (http://pinro.vniro.ru/about-us/istoriya-filiala/…).

Очевидно, что такие события не могли пройти мимо внимания ТФ. Она всё ещё тщательно изучала макрофиты Косинских озёр, составила их полный флористический список, выявила закономерности их распределения и провела их количественный учёт. Им была посвящена первая печатная работа ТФ (1930), которую Киреева называет «образцовой: она и до сих пор по тщательности выполнения является единственным в своём роде трудом» (1957, с. 6). Но, безусловно, возможность прикоснуться к *морской* альгофлоре привлекала Таню Менкель.

Приведём ещё один документ из архива ИО РАН, это раздел анкеты (пункт 21: Выполняемая работа с начала трудовой деятельности), где есть такая строчка: «1929–1931. Из-за рождения дочери и слабого состояния здоровья не работала». Дочку Таню ТФ родила в 1929 г. и, видимо, беременность и роды не были лёгкими и обострили приобретённый в юности туберкулёз. Тем более поразительно, что хрупкая и не очень физически здоровая ТФ так активно участвовала в экспедициях, и не только в южных регионах, но и в по-настоящему суровых условиях Севера и Дальнего Востока. Киреева писала: «Уговорить её остаться в Москве в те годы, когда она особенно плохо себя чувствовала, было невозможно. И обычно она была права: поработав в море (занимаясь любимым делом), она возвращалась в Москву поздоровевшей» (1957, с. 7). Однако последняя экспедиция на Сахалин была такой напряжённой, что ТФ не собиралась больше работать в подобных условиях, о чём писала сестре. Впрочем, отдохнув в Москве зимой, она на следующий год, скорее всего, опять устремилась бы к морю…

В 1931 г. ТФ (уже будучи Щаповой и матерью двухгодовалой дочери) была приглашена к участию в первой советской экспедиции, в задачи которой входила оценка запасов биологических ресурсов северных морей, в том числе промысловых водорослей (рисунки 24а, б).

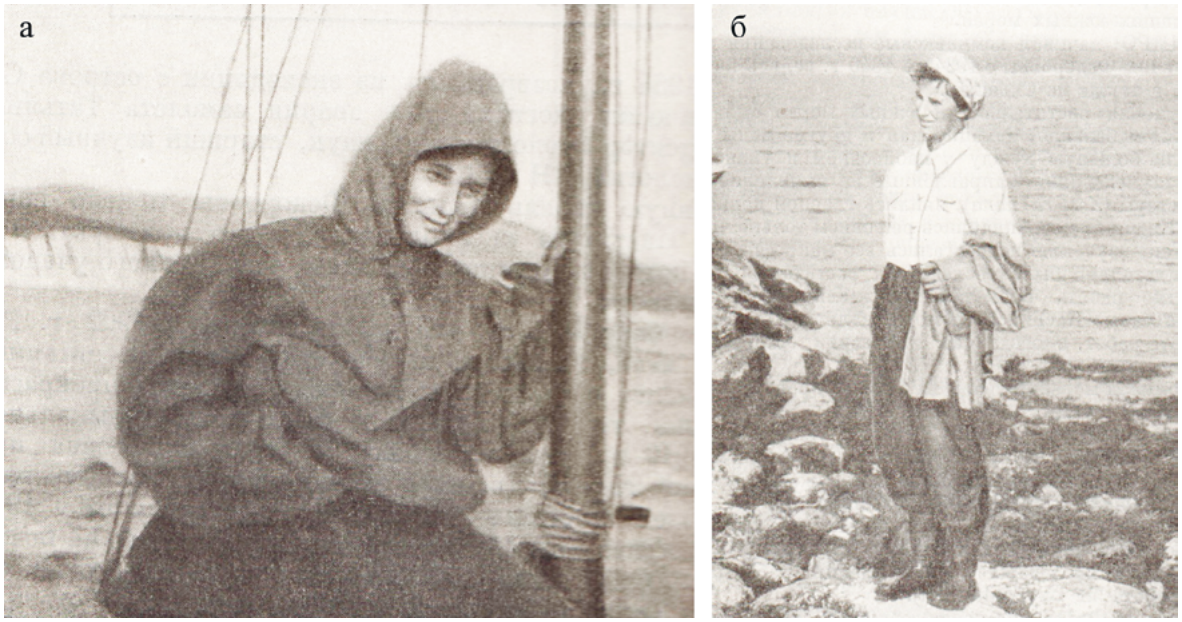


Рис. 24 – **а**) ТФ на Мурмане; **б**) ТФ на литорали. (Киреева, 1957). [*Так названы рисунки у Киреевой. Но, по-моему, фото 24 а – в ЮО ИО, судя по берегу на заднем плане – ОВМ*]

Экспедиция была организована ГОИН, и именно там ТФ проработала вплоть до 1940 г. в отделе донных водорослей, состоявшем из трёх человек: заведующим был известный альголог, ученик В. М. Арнольди, проф. Константин Игнатьевич Мейер (1881–1965), сотрудниками – ТФ и Киреева (Википедия; Киреева, 1957). Они изучали флору и распространение морских макрофитов северных морей, ТФ разработала методику их количественного учёта. На этих материалах она защитила в МГУ кандидатскую диссертацию «Донная растительность литорали наших северных морей» (1938).

В то же время ТФ участвовала в экспедициях на Каспий и опубликовала серию пионерных работ по донной флоре и растительности разных его районов, в большинстве – в соавторстве с Киреевой. Особое внимание уделялось тогда запасам промысловой морской травы *Zostera noltei* (бывш. *Z. nana* или *Z. minor*), которую издавна применяли как наполнитель для мягкой мебели и упаковочный материал. Но в 1930-х гг. клетчатку зостеры (взморника), тонны которой пропадали в штормовых выбросах, предложили использовать вместо дорогого хлопка для производства нитроцеллюлозы – мощного взрывчатого вещества (что и вызвало такой интерес руководства к скромной морской траве). Исследования ТФ и Киреевой позволили расширить известные районы распространения зостеры и дать рекомендации по увеличению её добычи. Изучение запасов взморника было продолжено на Азовском море, особенно в Сиваше (Киреева, 1957; Википедия).

В 1940 г. ТФ покинула ВНИРО и начала работать на кафедре гидробиологии Мосрыбвтуза, где она уже с 1939 г. вела практические занятия по низшим растениям. До начала Великой Отечественной войны она читала курс общей ботаники – с особым вниманием к водорослям. В ноябре 1941 г. ТФ вместе с семьёй была эвакуирована в Ташкент, где работала ассистентом в Воронежском авиационном институте[20]. Сохранились трогательные и подробные письма ТФ из эвакуации к «дяде Коле», в основном о бытовых деталях и проблемах. В 1943 г. ТФ возвратилась в Москву – и во ВНИРО, но проработала там старшим лаборантом всего 7.5 месяцев.

Распоряжением по Академии наук СССР (номер на копии документа в Архиве ИО, к сожалению, закрыт жирной кляксой) от 13 декабря 1943 г. ТФ была зачислена в «докторскую аспирантуру Лаборатории океанологии с 1 января 1944 г. сроком на 3 года с выплатой стипендии в размере 800 рублей в месяц» (архив ИО РАН) Руководителем докторанта Щаповой был назначен академик П. П. Ширшов. Распоряжением № 776 по Академии наук СССР 31 декабря 1946 г. срок докторантуры был продлён на 1 год до 1 января 1948 г. «в связи с расширением объёма диссертационной работы» (Архив ИО).

М. С. Киреева (1957) особо отмечает огромный интерес ТФ к фитогеографии. Она приводит обширную цитату из статьи ТФ «Донная растительность северо-восточных заливов Каспийского моря…» (1938) о несомненной важности работ по

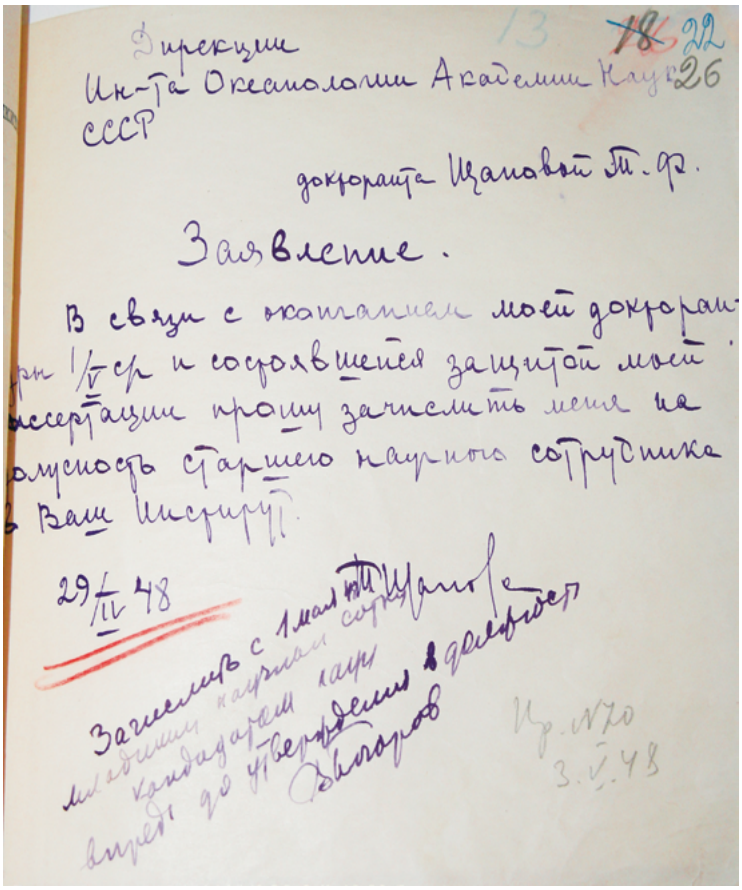
[20] Так написано самой ТФ. Но Воронежский авиазавод был эвакуирован в Куйбышев (Самара), а в Ташкенте пережил войну Харьковский авиазавод.

морской фитогеографии, где автор сетует на то, что морская зоогеография активно развивается, а география морских растений катастрофически отстаёт. «Совершенно очевидно, что вопросы зоогеографии водоёмов и фитогеографии должны быть тесно связаны между собой и дополнять друг друга. Правда, принято говорить о <…> космополитизме водорослей вообще и донных в частности, который якобы не позволяет установить строго ограниченных областей их распространения. <…> Можно с определённостью утверждать, что взгляд на космополитизм водорослей и слабую их реакцию на изменение внешних условий сильно преувеличен и схематизирован» (Щапова, 1938, цит. по: Киреева, 1957, с. 9). ТФ с поразительной прозорливостью предвосхитила мощное развитие морской фитогеографии, начавшееся во второй половине XX века. Работы А. Д. Зиновой, К. Л. Виноградовой, Л. П. Перестенко, Ю. Е. Петрова, К. М. Хайлова, К. М. Петрова, В. Б. Возжинской, Т. А. Михайловой, Н. А. Мильчаковой, C. den Hartog, M. M. Littler с соавторами, C. van den Hoek, K. Lüning и многих других похоронили архаичные представления о космополитизме морских водорослей, особенно донных макрофитов. На многих примерах из разных районов Мирового океана была продемонстрирована определяющая роль абиотических факторов в географическом распространении водорослей, и прежде всего – годового хода температуры и солёности. Даже освещённость играет роль не столько в морской фитогеографии, сколько в вертикальном распределении донной флоры и растительности (как и биотические факторы). Отечественные исследователи, безусловно, знали публикации ТФ и руководствовались её идеями – или, во всяком случае, принимали их во внимание. Но зарубежные учёные вряд ли были знакомы с работами ТФ: в СССР, особенно в те годы, не было принято печататься в зарубежной периодике (хотя ТФ с её знанием языков могла бы это делать с блеском). Тем более замечательно, что и они, как и советские коллеги, будто бы последовали «заветам» ТФ. Каким глубочайшим пониманием предмета, какой эрудицией надо было обладать, чтобы так точно определить «магистральный путь» мировой морской гидроботаники в XX веке!

ТФ сама прекрасно знала себе цену как учёному. Она без ложной скромности писала 2 июня 1948 г. в Кратком отчёте о работе в докторантуре (с 01.04.1944 по 01.04.1948) о том, что более 10 лет работала на разных морях СССР, изучая их донную флору, и её докторская явилась продолжением этих многолетних исследований. «Следует отметить, что в литературе полностью отсутствуют крупные исследования в области географического распространения морских водорослей и что моя работа является первой попыткой дать представление о географическом размещении водорослей orbis terrarum»[21] (Архив ИО).

Докторская диссертация ТФ называлась «Географическое распространение и пути расселения бурых водорослей порядков Laminariales, Fucales и Desmarestiales в Тихом океане». ТФ защитила её в МГУ 21 апреля 1948 г. со счётом тайного голосования 23 «за», 2 «против». 29 апреля она подала заявление о зачислении в штат ИО АН на должность старшего научного сотрудника (рисунок 25).

[21] Orbis terrarum – по всей Земле, в масштабах всего мира (лат.).


Дирекции
Ин-та Океанологии Академии Наук
СССР

докторанта Щаповой Т. Ф.

Заявление.

В связи с окончанием моей докторантуры 1/V с/г и состоявшейся защитой моей диссертации прошу зачислить меня на должность старшего научного сотрудника в Ваш Институт.

29/IV 48

Зачислить с 1 мая т. г. Щапову младшим научным сотрудником кандидатом наук впредь до утверждения в должности
Богоров

Пр. № 70
3.V.48

Рис. 25 – Заявление Т. Ф. Щаповой о зачислении в ИО АН. Архив ИО РАН

На заявлении ТФ стоит резолюция В. Г. Богорова: «Зачислить с 1 мая 48 г. младшим научным сотрудником кандидатом наук впредь до утверждения в должности», даты нет, но тут же карандашом приписано: «Пр[иказ] № 70, 3.V.48».

Приведу полностью характеристику ТФ, написанную П. П. Ширшовым:

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОКТОРАНТА Т. Ф. ЩАПОВОЙ

Т. Ф. Щапова поступила в докторантуру Института Океанологии в 1944 г. До этого она работала по исследованию водной и прибрежно-водной растительности на Каспийской [так, вместо Косинской – ОВМ] биологической и Редкинской торфяной станциях /с 1925 по 1929 гг./, где ею выполнена ее первая научная работа. Поступив в 1931 г. в качестве научного сотрудника в Государственный Океанографический Институт, она в течение ряда лет занималась изучением донной флоры Баренцева, Белого, Каспийского и Азовского морей. За это время ею проведено и опубликовано значительное количество работ по исследованию морской донной растительности. Некоторый период времени Т. Ф. Щапова /1939–1941 гг./ занималась также педагогической работой – при кафедре гидробиологии в Мосрыбвтузе ею читался доцентский курс ботаники.

В 1938 г. она была утверждена Наркомпищепромом в звании старшего научного сотрудника, и в том же году она защитила диссертацию на степень кандидата биологических наук. 21/IV-48 г. ею защищена в Моск. Гос. Университете диссертация на степень доктора биологических наук. Как в диссертации, так и в ранее опубликованных работах, Т. Ф. Щапова проявила себя весьма разносторонне эрудированным специалистом.

Всё вышеизложенное позволяет считать Т. Ф. Щапову достойной занимать должность старшего научного сотрудника.

Директор Института
Океанологии АН СССР
Академик /П. П. Ширшов/

[*Текст датирован маем 1948 г., число не было вписано в копию – ОВМ*].

Докторская степень ТФ была утверждена ВАК'ом лишь 19 марта 1949 г., диплом серии МБЛ № 00460 датирован 19-м апреля, то есть через год после защиты (рисунок 26). Однако уже 5 июня 1948 г. был издан Приказ по ИО АН под № 99: «В соответствии с постановлением Бюро Отделения Геолого-Географических наук АН СССР от 2.VI.48 об утверждении кандидата биол. наук ЩАПОВОЙ Т. Ф. в должности ст. научного сотрудника, выплачивать ей с 2 июня с/г зарплату в размере 3.000 рублей в месяц». Приказ подписан заместителем директора С. В. Суетовым (Архив ИО РАН).

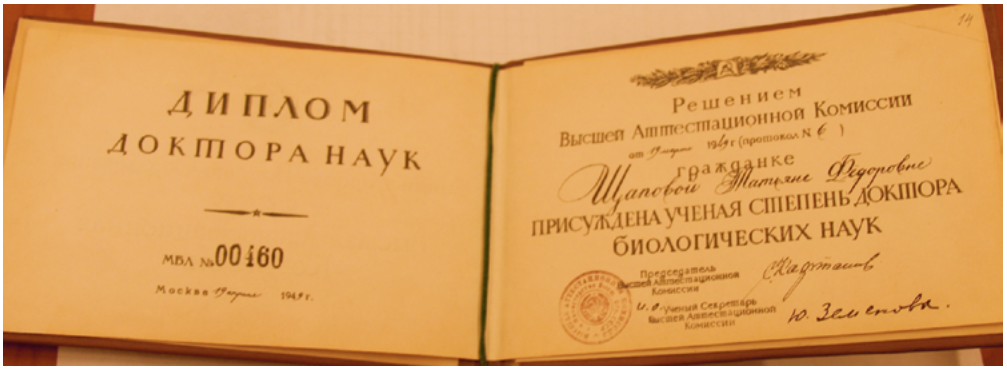


Рис. 26 – Диплом доктора биологических наук ТФ. ЦГА, ф. Л-310, оп. 2, д. № 219

И, едва передохнув после докторской защиты, ТФ отправляется туда, куда давно стремилась: на Дальний Восток, на материковое побережье Японского моря. ТФ имела чёткий, продуманный план исследований дальневосточной морской флоры и растительности на годы вперёд. Она хотела провести планомерное, подробное обследование тихоокеанских берегов от Приморья до Чукотки, поставив «следующие цели: проследить качественные и количественные изменения альгофлоры на всём протяжении наших дальневосточных морей, смену биономических типов литорали и сублиторали, затем выявить закономерности этой смены, как носящие широтный

характер, так и более локальные. <…> Организовывая экспедицию, Татьяна Фёдоровна мыслила её как первый шаг в широком сравнительно-географическом исследовании прибрежной флоры и фауны наших дальневосточных морей» (Мокиевский, 1957, с. 15). В довоенные годы донную флору Японского моря исследовала Е. С. Зинова (1874–1942), опубликовавшая серию статей о зелёных, бурых и красных водорослях. Её данные были первыми для региона и поэтому очень важными, но явно недостаточными, прежде всего – из-за локальности сборов. Небольшой материал был собран в 1947 г. на севере Охотского моря во время экспедиции ЗИН и ТИНРО, в которой были задействованы и сотрудники ИО АН. Экспедиция 1948 г. должна были вывести дальневосточную альгологию на новый уровень. И начало было положено: экспедиция собрала огромный материал в «15 районах от Де-Кастри и северной части Татарского пролива до бухты Калевала у корейской границы» (Щапова, 1957, 23) (рисунки 27а, б).

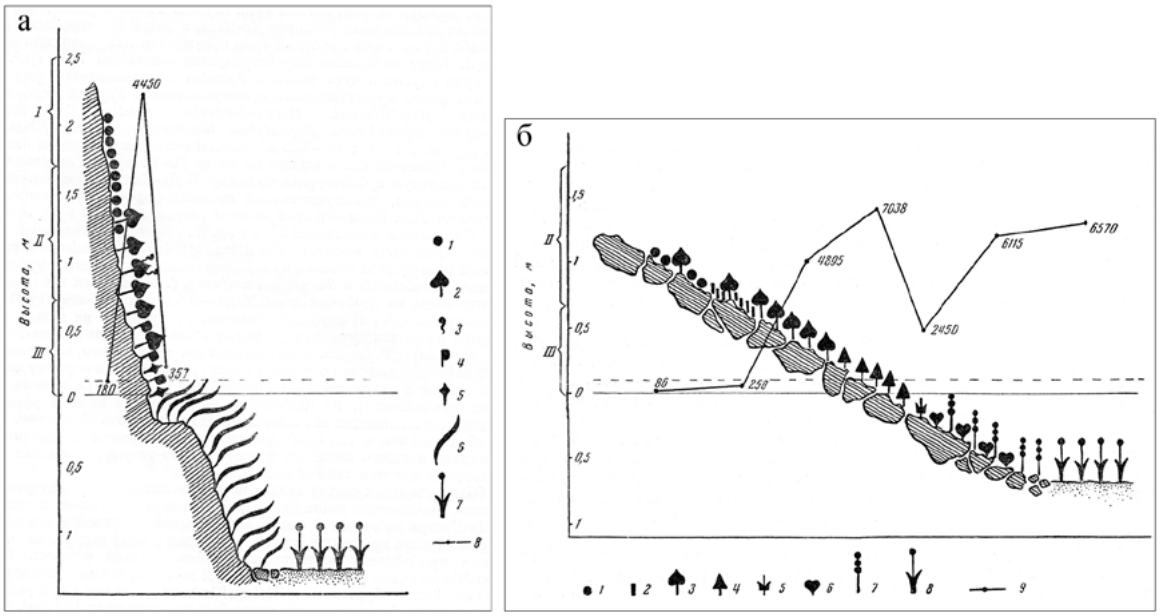


Рис. 27 – **а**) Схема распределения макрофитов на литорали залива Де-Кастри (отвесная скала); **б**) то же и там же, но на россыпи в глубине бухты. Обозначения: значками – разные водоросли; кривая – распределение биомассы, цифры – её значения в г/м^2; пунктир – летний ноль глубин; II, III – горизонты литорали по Вайану. (Щапова, 1957)

На литорали и в верхней сублиторали сборы были количественными с использованием мерных рамок, а на глубинах свыше 2–4 м отбирали только качественные (флористические) пробы. В легководолазном снаряжении работал О. Б. Мокиевский. На этом материале, который ТФ обработала в последующие годы, была написана блестящая статья, вышедшая в свет уже в мемориальном томе 1957 г., будучи доработанной по черновикам ТФ её коллегами. ТФ не просто детально описала флору и растительность (с биомассой ведущих видов) всех обследованных местообитаний, но и проанализировала полученный материал с привлечением всей доступной тогда литературы, сравнила богатство флоры и особенности распространения видов и

их сообществ с другими районами, в том числе с более подробно изученной Северной Атлантикой. На исследованном побережье был обнаружен 121 вид и 7 вариететов и форм бентосных растений: 3 вида Cyanophyta (цианобактерии), 22 Chlorophyta (зелёные водоросли, 2 вариетета), 34 Phaeophyceae (бурые, 5 форм и вариететов), 57 Rhodophyta (красные, 1 форма) и 5 видов высших водных растений. ТФ определила фитогеографическую принадлежность доминирующих видов (в основном бореальных и арктобореальных), особо отметив высокую долю эндемиков и, одновременно, немалое количество амфибореальных видов. Была заложена мощная база для дальнейшей углублённой работы.

Но ТФ пришлось прерваться в исследованиях Дальнего Востока, поскольку потребовалось заняться совсем другим регионом – Чёрным морем. В 1949 г. была организована Черноморская комплексная экспедиция, биологическое направление там возглавил д.б.н. Дмитрий Анатольевич Сабинин (1889–1951), которого только что выгнали из МГУ за принципиальность настоящего учёного: он публично, с трибуны собрания студентов и сотрудников Биофака выступил против мракобесия «народного академика» Лысенко[22]. После недоброй памяти Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. его, выдающегося физиолога растений и блестящего лектора, выставили с факультета «за нападки на мичуринцев». Иван Дмитриевич Папанин взял его под своё крыло и отправил в качестве и. о. директора в Геленджик, где как раз формировалось нынешнее Южное отделение ИО РАН (тогда – ЧЭНИС, т. е. Черноморская экспериментальная научно-исследовательская станция). В 1949–1950 гг. они с ТФ сделали прекрасную работу по черноморской бурой водоросли цистозире (Сабинин, Щапова, 1954), которая и теперь, почти 70 лет спустя, служит образцом и полевой работы, и обработки материала, и его анализа. Цистозира – доминант и эдификатор черноморской донной растительности, к тому же – промысловый объект: её используют для производства солей альгиновой кислоты (альгинатов), имеющих широчайшее применение – от медицины (сорбенты радионуклидов) и пищевой промышленности (загустители и стабилизаторы) до текстильной промышленности (улучшают связь краски с тканью) и даже металлургической (компонент формовочной земли) (Возжинская, Камнев, 1994). ТФ и Сабинин тщательно обследовали заросли в районе от Новороссийска до Геленджика, заложили стационарные полигоны для наблюдения за динамикой роста цистозиры в разных условиях. В отечественной практике такие работы на морских водорослях были проделаны впервые. Были получены уникальные по детальности данные, которые ТФ обработала и проанализировала уже в одиночку и успела написать и сдать в печать превосходную статью. Кроме того, ей, по выражению Киреевой, «удалось разобраться в систематике цистозиры и установить различия между *Cystoseira barbata* и *C. barbata* var. *flaccida*» (1957, с. 10). Впоследствии уровень этих различий был признан видовым и вариетет получил самостоятельное название *C. crinita*[23] (рисунок 28).

[22] Д. А. Сабинин в 1951 г. застрелился. Похоронен на городском кладбище Геленджика.

[23] Теперь на основании молекулярно-генетических данных предложено использовать названия *Gongolaria barbata* (Sadogurska et al., 2021) и *Ericaria crinita (*Molinari-Novoa, Guiry, 2020).

Рис. 28 – *Gongolaria* (бывш. *Cystoseira*) *barbata* и *Ericaria* (бывш. *Cystoseira*) *crinita*. Мерный отрезок 5 см. Рисунки М. В. Владимировой. (Максимова, Симакова, 2019)

Отметила ТФ и особую экологическую форму цистозиры, которую назвала «форма ползучая» (Щапова, 1953, с. 313). Эту неприкреплённую, стелющуюся форму, характерную для илисто-песчаных мелководий с зарослями зостеры и харовых, позже назвали *Cystoseira barbata* var. *repens* (Калугина-Гутник, 1975), а теперь именуют *Gongolaria barbata* f. *repens* (Sadogurska, 2021).

В 1950 г. ТФ возглавила уже отдельный ботанический отряд Черноморской комплексной экспедиции, который занимался не только цистозирой «на стационарных полигонах», но и исследовал «распространение филлофоры на акватории Чёрного моря» с помощью НИС «Форель», шлюпок и даже самолёта ПО-2 (Кузнецов, Нейман, 2005, с. 54) (рисунки 29а, б).

В 1951–1952 гг. эти работы продолжились. Красная водоросль (багрянка) филлофора *Phyllophora crispa* (бывш. *Ph. nervosa*), средиземноморский вселенец в Чёрное море (рисунки 30а, б) – важный промысловый вид макрофитов: из неё получают гелеобразователь агароид, родственный агар-агару. Её добычей активно занимались в СССР, что в совокупности с глобальным загрязнением моря привело к катастрофической деградации уникального природного объекта – Филлофорного поля Зёрнова, гигантского скопления неприкреплённой филлофоры, располагавшегося на больших глубинах (до 60 м) северо-восточного шельфа. Оно было открыто академиком С. А. Зёрновым в 1908 г. Его площадь составляла 11 тыс. км^2, а общую массу филлофоры оценивали в 10 млн тонн.

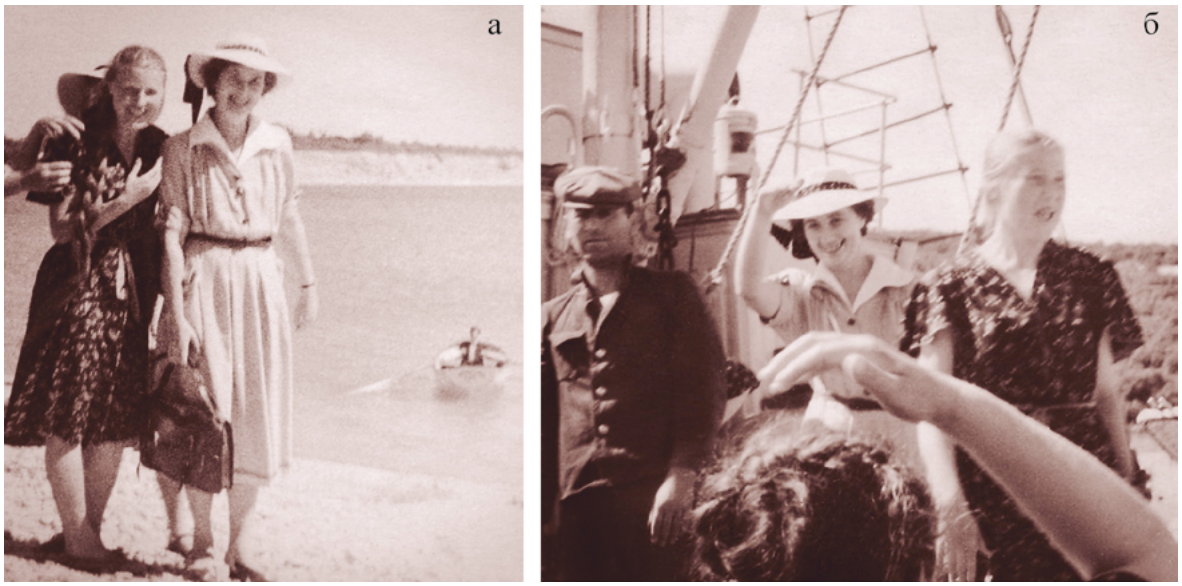


Рис. 29 – ТФ и Вера Возжинская в Геленджике **а**) на берегу Голубой бухты, **б**) на борту НИС «Форель»[24]. 1952 г. Из семейного архива В. Б. Возжинской и В. С. Кузина. Обработка фотографий А. Артёмова. Публикуется впервые

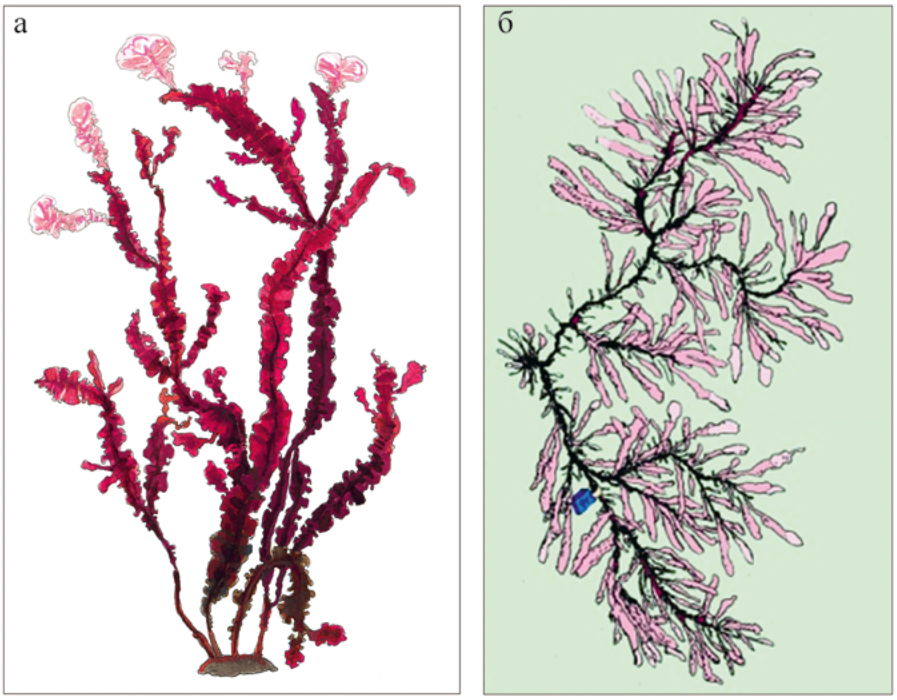


Рис. 30 – **а**) скальная форма *Phyllophora crispa*. Рисунок М. В. Владимировой. (Максимова, Симакова, 2019); **б**) глубоководная форма после года содержания в оптимальных условиях. Рисунок П. В. Рыбникова (Лучина и др., 1993)

[24] Малый черноморский сейнер с деревянным корпусом, обшитым медным листом. Водоизмещение 77 т, длина 19 м, ширина 5 м, скорость 9 узлов. Судно было получено по репарации из Румынии и поступило на ЧЭНИС в 1949 г. (Кузнецов, Нейман, 2005).

Сейчас оно уже почти погибло, а в 1950-х гг. ситуация была ещё относительно благополучной: до первой отмеченной массовой гибели (1974) оставалось ещё более 20 лет. К 1990 г. площадь Поля сократилась в 22 раза (до 500 км^2), а запасы филлофоры – в 100 раз, а к началу XXI века на Поле осталось всего около 6 тыс. тонн (Максимова, Кучерук, 1993; Максимова, Симакова, 2019). ТФ в 1950-е годы предвидеть этого не могла, хотя, точно определив границы Поля, отметила сокращение его площади до 3300 км, а запаса филлофоры до 4 млн тонн, но отнесла это на счёт более детальных измерений. В статье она обсуждала возможные причины и механизмы возникновения Филлофорного поля и условия его стабильного существования, опираясь на соображения своих предшественников, – К. И. Мейера и Н. В. Морозовой-Водяницкой. В дальнейшем эта дискуссия продолжилась уже заочно с участием д.б.н. А. А. Калугиной-Гутник (1975), да и мы внесли свой вклад в обсуждение, опираясь на наши экспериментальные данные, полученные в аквариальной лаборатории в ЮО ИО АН в 1980-х годах (Максимова, Кучерук, 1993).

Не прекращая работы на Чёрном море, в 1952 г. ТФ успела подготовить и экспедицию на Дальний Восток. Там в течение полутора месяцев, с 27 июля по 10 сентября, в прибрежной зоне о-ва Путятина в заливе Петра Великого О. Б. Мокиевским и Ф. А. Пастернаком было выполнено «девять количественных разрезов от супралиторали до глубины 15–25 м» (Щапова и др., 1957, с. 70). Количественные пробы отбирали с помощью мерных рамок площадью 0.01 и 0.03 м, на глубине – дночерпателем Петерсена и драгой с борта катера ТИНРО «Зоолог» и со шлюпки. Использовали легководолазное снаряжение. На каждой станции брали не менее четырёх проб. Всего было получено 350 проб и сделано 25 листов гербария (Мокиевский, 1957). В результате был составлен список видов из 82 видов растений (включая 4 вида цианобактерий) и 313 видов животных – от фораминифер до рыб (беспозвоночных – 292 вида). Кроме того, было проанализировано вертикальное распределение биоты (числа видов) в зависимости от глубины, характера грунта и прибойности. ТФ успела полностью обработать полученный альгологический материал.

Такие комплексные полевые исследования с участием как альгологов, так и зоологов, не только тогда не были общим правилом, но и сейчас довольно редки. Альгологи собирают водоросли, игнорируя фауну, а зоологи, наоборот, видят в макрофитах лишь помеху своим сборам. В черновике дипломной работы студента Биофака МГУ мне довелось встретить изумительное выражение: «Беломорская литораль сильно засорена фукусами». Заслуга ТФ в том, что она показала совершенную необходимость учёта макрофитобентоса при гидробиологических работах в зоне фитали, в чём нашла полную поддержку руководства Лаборатории бентоса, прежде всего – Льва Александровича Зенкевича[25]. Татьяна Фёдоровна, конечно, неслучайно пришла и к морской альгологии, и в наш институт. Её давнее знакомство с Зенкевичем, начавшееся ещё в 1920-х годах на Косинской биостанции, превратилось в долгую, искреннюю и

[25] Это понимали (и понимают) далеко не все, и альгологам часто доставались (и достаются) лишь попутные сборы, выполненные зоологами не всегда профессионально и корректно.

преданную дружбу, спаянную абсолютным научным единомыслием. Горестно думать о том, какие дивные плоды могло бы принести это сотрудничество двух выдающихся учёных, если бы не трагическое завершение Сахалинской экспедиции…

Мы подошли к роковому рубежу – 1954 году. В июле ТФ отправилась в свою последнюю экспедицию, во главе уже сработавшегося отряда: О. Б. Мокиевский, Ф. А. Пастернак, Л. И. Москалёв, Н. М. Селицкая[26] (рисунки 31а, г).

Рис. 31 – **а**) О. Б. Мокиевский, **б**) Ф. А. Пастернак, **в**) Л. И. Москалёв, **г**) Н. М. Селицкая. а–в – из архива Л. И. Москалёва (фотоальбом, 1950-е гг.); г – (Богданов, 2014, с. 128)

Было запланировано подробное обследование западного (япономорского) побережья Сахалина. «Таким образом, полевые работы текущего года должны были завершить обследование всего советского побережья Японского моря с тем, чтобы после этого экспедиция могла перенести свои работы на литораль Охотского и Берингова морей, ставя конечной целью получение картины распределения флоры и фауны всего советского побережья дальневосточных морей» (Щапова и др., 1957, с. 102). Первые сборы Дальневосточная прибрежная экспедиция ИО АН СССР под руководством ТФ провела 16 июля[27] около г. Холмск, последние – 15 сентября в Ясноморске, а 18 сентября экспедиция закончила работы. За 2 месяца были обследованы литораль и верхняя сублитораль на протяжении 600 км побережья в 20 пунктах: от посёлка Ивановка на юге острова до Хоэ. Кроме того, обследовали о. Монерон, а также участок на охотоморском берегу между населёнными пунктами Взморье и Арсентьевка (рисунок 32).

Было собрано более тысячи проб, примерно половина которых – количественные, сделано около 700 листов гербария и собрана коллекция штормовых выбросов (ibid., 102). Так было завершено начатое в 1948 г. обследование советских берегов Японского моря, охватившее 2 тыс. км и 40 пунктов, а 95 разрезов принесли материал,

[26] Ната Михайловна Селицкая (Ната – так в паспорте, украинка), окончив МГУ, стажировалась в Ботаническом институте в Ленинграде, участвовала в экспедициях на Дальний Восток. Вышла замуж за капитана речного флота Вишневского и переехала в г. Горький (Нижний Новгород). Преподавала ботанику в Горьковском университете (Богданов, 2014).

[27] По записи в полевом дневнике Н. Селицкой. В цитируемой статье указана дата 18 июля – по первой записи в полевом дневнике ТФ.

беспрецедентный по тщательности и подробности: 2600 проб и около 1000 листов гербария. В 1955 г. Дальневосточная экспедиция продолжила работу, и было выполнено задуманное ТФ обследование восточного берега Сахалина, причём часть прибрежных разрезов «удалось привязать к более глубоководным разрезам, выполненным ранее «Витязем», что позволяет проследить изменение донных группировок от супралиторали до абиссали» (Мокиевский, 1957, с. 18).

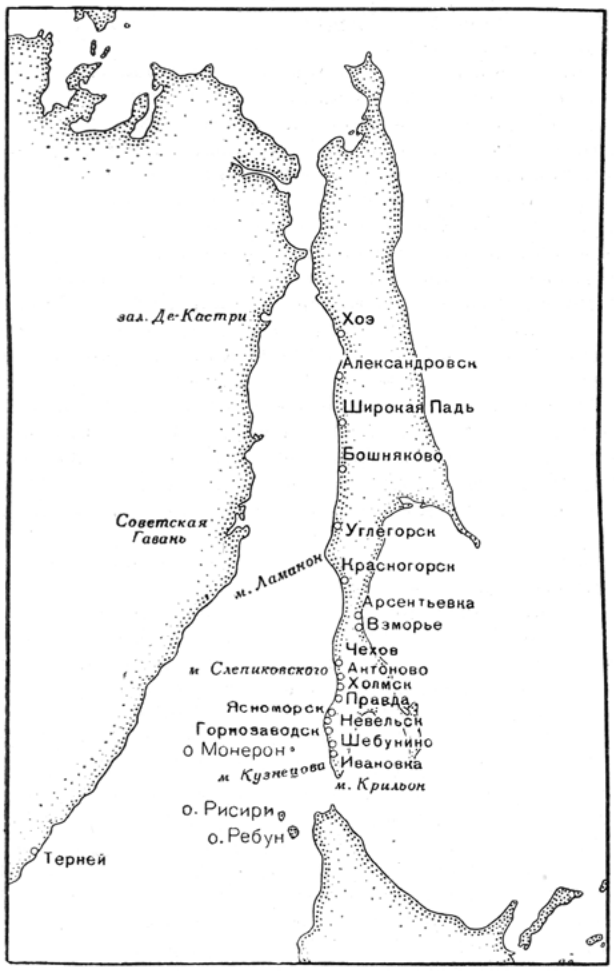


Рис. 32 – Места работы экспедиции 1954 г. на Сахалине и материке
(Щапова, Мокиевский, Пастернак, 1957, с. 103)

Всего за время работы Дальневосточной прибрежной экспедиции ИО АН (14.07–08.10.1948; 27.07–10.09.1952; 16.07–18.09.1954, 29.06–26.09.1955) было: обследовано 3.6 тыс. км побережий, в 88 пунктах проведено 163 гидробиологических разреза, собрано 4140 проб и сделано 1425 гербарных листа (Мокиевский, 1957; Щапова, Мокиевский, Пастернак, 1957).

Полевой дневник ТФ был передан в ИО АН. Его при обработке материалов экспедиции (которые, само собой, ехали в Москву поездом) и подготовке публикаций внимательно изучили Вера Возжинская и Ната Селицкая. Татьяна Фёдоровна писала очень остро отточенным и очень твёрдым карандашом, сейчас разобрать текст,

который она писала на берегу моря и буквально «на коленке», – трудно, почти невозможно. Кое-что её ученицы обвели, какие-то страницы более разборчивы, особенно пачка страничек, вложенная в дневник и датированная 13 и 14 сентября (рисунок 33). Параллельно с ТФ свой дневник вела Селицкая, её записи разобрать легче. По ним я восстановила маршрут экспедиции, который привожу в Приложении 1.

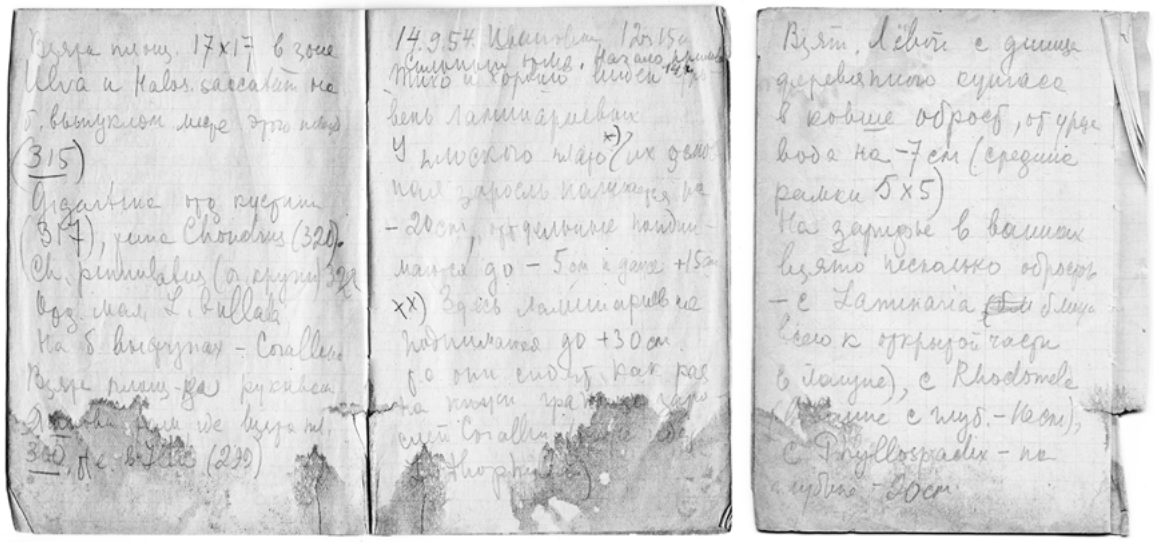


Рис. 33 – Странички из полевого дневника ТФ. Записи 13 и 14.09.1954.
Обведены номера проб. На одиночной страничке: «Взят Лёвой с днища деревянного кунгаса в ковше оброст, от уреза воды на – 7 см (средние рамки 5×5)
На зарифье в ваннах взято несколько обростов с Laminaria (ближе всего к открытой части в лагуне), с Rhodomela (в ванне с глубины – 16 см), с Phyllospadix на глубине – 20 см».
Лёва – Лев Иванович Москалёв (см. «Океанологические исследования», 2021, № 4).
Фотоархив ИО РАН

Гибель

Татьяна Фёдоровна летела в Москву на самолёте Ил-12 (рисунок 34а) с бортовым номером СССР Л-1365. Он был построен в 1947 г. Экипаж состоял из пяти человек, а пассажиров могло быть до 28, но в том рейсе их было 24. Рейс № 10 «Южно-Сахалинск – Москва» 26 сентября стартовал из аэропорта Большая Елань[28], построенном ещё японцами (рисунок 34б).

Новый аэровокзал был построен только в 1957 г., так что ТФ проходила на посадку именно через это здание (avro-live, 2021). Перелёт до Москвы, на расстояние 7640 км, проходил с несколькими промежуточными посадками (в том числе Хабаровск, Чита, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Свердловск, Казань) – для дозаправки и для отдыха экипажа. Чистое полётное время составляло 28 часов.

[28] В Википедии сказано, что вылет был из аэропорта Хомутово, но это ошибка: этот аэропорт тогда еще не существовал и начал функционировать только в 1964 г. (https://airportus.ru/o-kompanii/history/).

После промежуточной посадки в Красноярске Ил-12 вылетел в 22:17. На район аэропорта Новосибирска сразу после полуночи опустился густой туман, видимость не превышала 200–300 м. Дежурный синоптик сообщил об этом руководителю полётов с опозданием – примерно на 15 минут. По правилам подлетающие самолёты должны были отправить на запасные аэродромы – в Кемерово или Барабинск. Но руководитель полётов разрешил посадку в Новосибирске. С первого захода самолёт приземлиться не смог: прошёл много левее посадочной полосы и зашёл на второй круг. Он заходил на посадку с юга, и хотя с этой стороны не было огней приближения и плохо работали наземные радиомаяки, руководитель полётов не отправил никого на полосу для корректировки посадки вручную. Мало того: именно с этой стороны аэропорта был посёлок, а также много деревьев и глубокий овраг. В 0 часов 57 минут командир Ил-12 доложил о втором заходе на посадку и о снижении до 100 м, после чего связь с бортом прервалась. Самолёт врезался сначала в деревья, повредив винты и левое крыло, и сразу же – в склон оврага, от чего разрушился полностью. Не выжил никто, все 29 человек мгновенно погибли. Пожара не было. Это была крупнейшая катастрофа Ил-12. Произошла она по вине наземных служб аэропорта[29]. Сведений о том, какое наказание понесли эти преступники, мне найти не удалось.

Рис. 34 – **а**) самолёт Ил-12 (фотография из сети Интернет);
б) аэровокзал аэропорта Большая Елань (фотография 1940-х гг.) (avro-live, 2021)

Полевой дневник ТФ почти не пострадал, только немного помят и испачкан, что, впрочем, могло быть результатом самих полевых работ. Ведь пожара не было…

Из аэропорта Новосибирска о гибели ТФ сообщили дочери Татьяне Николаевне вечером 27-го. Вот как об этом пишет Н. М. Щапов в своём дневнике за 1954 г. (ЦГА, ф. Л-310, оп. 1, д. № 167):

«28.IX.1954. Горе! Сегодня, часов в 9 утра позвонила к нам Маня, сказала: Таня пропала, потом: Таня погибла. <…> Маня плачет, почти до истерики. Старались успокоить. Говорит: это был мой лучший и даже единственный друг, и чем дальше жили – тем больше дружили. Было столько у них общего. Даже матери,

[29] https://ru.wikipedia.org/wiki/Катастрофа_Ил-12_под_Новосибирском_(1954).

Мины, не так было жалко. «Дети выросли, разлетелись, никого у меня не осталось». <…> Таня (род. 01.III.1902) – младшая из трёх моих племянников (Маня, Миша, Таня Менкель). Отец их умер 17.V.1903. Жили вместе, мамочка, я, сестра и трое детей до 1913 года. Я был холост, на детей смотрел как на своих, дважды вместе ездили заграницу.

Таня выросла, кончила университет по биологии, <…> стала доктором наук. Исследовала водоросли разных морей, объехала, кажется, Чёрное, Белое, а м.б. и Каспийское моря. Была и во Владивостоке. Этим летом – в экспедиции на Сахалине. Прислала нам письмо: холодно, климат плохой. <…> Мане она писала, что экспедиция ей далась тяжело, и больше в такие она ездить не будет.

Её дочь Татуля в Москве, получила вчера вечером сообщение от аэропорта. О гибели вчера же. Запрос: что делать с телом? Татуля ответила – везти в Москву. <…> Маня плачет: зачем она летела, побереглась бы (на самолёте 4 суток, по ж.д. 14). Ну, ещё туда – понятно: посидеть дома лишних 10 суток приятно, а зачем оттуда? Она, Маня, хотела писать ей, Тане, чтобы не летела, и не написала. Если бы написала, может быть, не полетела бы. «Стало быть, я в [её] смерти виновата», и плачет. Говорим: Таня тебя не послушалась бы. Муж Татули, студент-архитектор, в Ленинграде на практике. Известили, приедет (тело привезут 30.IX). Что делать с мужем, Колей? Он на курорте около Гагр, в Леселидзе. <…> Боялись за его жизнь, если он узнает внезапно. Татуля не знала, как писать. Сегодня у Мани решили и послали (через телефон) телеграмму-молнию: «Мама дома, больна, приезжай немедленно. Татуля». Думали, если её похоронить в Москве без него, то он никогда не простит себе, что он в это время гулял, а нам – что его не вызвали. <…> Ну, а где же хоронить? Может быть, Танин институт добьётся могилы на почётном кладбище Новодевичьего монастыря? Не лучше ли на более простом и близком – Введенских горах (там и Мина <…>). Кладбище Алексеевского монастыря, где её дед, и бабка, и отец, сровнено с землёй. Вот пока и всё. Грустно».

В Институте 29 сентября 1954 г. был издан Приказ № 376 за подписью зам. директора Н. Н. Сысоева о создании комиссии по организации похорон ТФ. В неё вошли С. К. Клумов (председатель), А. П. Жузе и А. И. Савилов (Архив ИО РАН). Этот приказ – последний лист в личном деле ТФ.

И опять из дневника Н. М. Щапова, запись уже 1955 г., по памяти: «Итак, привезли огромный тяжёлый цинковый гроб. Что там – неизвестно, может быть и не она. Привезли в её институт (океанологии) – Старый Монетчиковск[ий] пер[еулок], 35 – за Москвой-рекой. <…> Были речи, венки: 1) от «треугольника»[30] института, 2) от друзей и коллектива товарищей, 3) группы старых товарищей, 4) от меня и Коли. Похоронили на Введенских горах, место выхлопотал, кажется, институт. (рисунок 35).<…> На квартире Н. П. Щапова были поминки, человек 16 близких. Был и Миша (без Тамары?) – первый раз у этих Щаповых» (ЦГА, ф. Л-310, оп. 1, д. № 167).

[30] «Треугольником» в СССР называли руководство учреждения: директор, секретарь партийной организации, председатель профсоюзного комитета.

Рис. 35 – Могила Щаповых на Введенском кладбище (участок 20).
Отдельно – врезанная в гранит мраморная волна и «водоросль» под ней[31]. 8 мая 2023.
Фотография О. В. Максимовой

Так закончилась жизнь Татьяны Фёдоровны – из-за преступной нерадивости какого-то безымянного негодяя из далёкого Новосибирска (где самый высокий процент Щаповых)... Сотрудники Лаборатории бентоса говорили мне, что если бы не эта катастрофа, вся история лаборатории сложилась бы иначе: более творчески, более интеллигентно, более толерантно. И, конечно, альгологическое направление, оказавшееся в одночасье в руках вчерашней студентки Верочки Возжинской, получило бы иной масштаб развития. Хотя и Вера Борисовна сделала всё, что могла, и бентосный коллектив имеет в своём активе массу достойных работ и настоящих открытий. И всё же, всё же…

Память о Татьяне Фёдоровне увековечена не только в её собственных публикациях, которые поныне цитируются и служат эталоном планирования полевых работ, сбора, обработки и анализа биологического материала. В год её гибели увидела свет статья А. Д. Зиновой о новой бурой водоросли, найденной ТФ в 1948 г. в заливе Де-Кастри Японского моря, «ранее ни в этом море и, судя по литературным источникам, нигде в других морях земного шара не встречавшаяся» (Зинова, 1954, с. 223) (рисунок 36). Немного позднее она была обнаружена В. Б. Возжинской на западном побережье Сахалина (Возжинская, 1958). Эта редкая и своеобразная водоросль длиной до 22 см, напоминающая из-за расширения тонкого неветвящегося таллома бич с рукояткой, образующая плотные куртинки, была названа в честь ТФ *Stschapovia*

[31] Возможно, этот элемент перенесён с первого памятника ТФ – если он был (Любартович, 2021 б).

flagellaris A.Zin. Это родовое название (для иностранцев – непроизносимое), как ни удивительно, по-прежнему валидно (Guiry, Guiry, 2023). Первоначально щаповия была отнесена к новому семейству Delamaraceae A.Zin. порядка Punctariales. Уже в XXI веке японские альгологи, базируясь на молекулярно-генетических данных, не только переместили щаповию в порядок Tilopteridales, но и выделили её в отдельное семейство Stschapoviaceae fam. nov. (Kawai, Sasaki, 2004). Более того: недавно большой интернациональный коллектив авторов выделил новый порядок Stschapoviales ord. nov. (Kawai et al., 2015). Так что теперь в честь ТФ именуется не только род бурых водорослей, но и таксоны более высоких рангов.

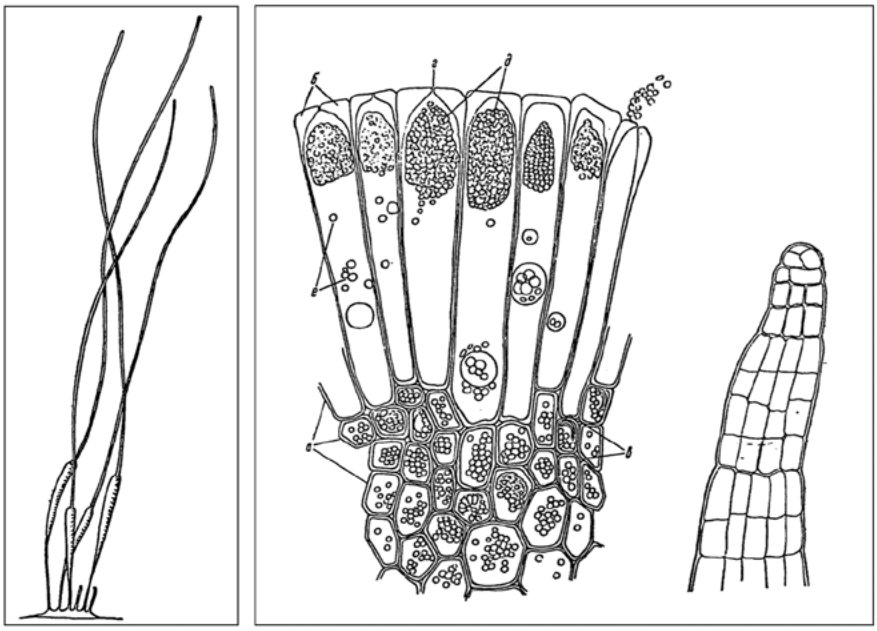


Рис. 36 – Бурая водоросль Щаповия – *Stschapovia flagellaris* A.Zin.:
общий вид (ок. 1/2 натуральной величины), поперечный срез и апикальная часть молодого таллома. (Зинова, 1954)

А из полевого дневника Наты Селицкой стало ясно, что ТФ успела прочитать статью Зиновой, и ей наверняка было приятно.

В некоторых источниках («Воспоминания» Алфёровой, публикация Любартовича) упоминается ещё и некая водоросль *Tatianella*, якобы тоже названная в честь ТФ. Мне не удалось найти никаких упоминаний этого названия ни в печатных изданиях, ни в Сети, ни в AlgaeBase. Во всяком случае, в современной номенклатуре такая водоросль отсутствует.

И последняя горькая деталь. Пока ТФ работала на Сахалине, в ИО готовили документы для награждения её медалью «За трудовую доблесть» (Личное дело ТФ, Архив ИО). ТФ заслуживала её в полной мере. У неё уже была одна правительственная награда: медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Наградной лист был оформлен 22 сентября 1954 года…

Щаповы второй половины XX – начала XXI века

Наш рассказ о жизни ТФ был бы не полным, если бы мы не рассказали о наших современниках – членах её семьи и близких им людях. И здесь мы тоже сталкиваемся с интереснейшими личностями и неожиданным переплетением современности и истории рода Щаповых.

О дочери ТФ Татьяне Николаевне я рассказала выше, отметив её бунтарский характер. Может быть, из-за этой особенности характера, а может быть и нет, в начале 1950-х гг. она вышла замуж за очень неординарного человека – художника Виктора Авраамовича Шерешевского (1927–1981). Он взял фамилию жены, как писал Борис Мессерер[32] – «из конъюнктурных соображений, диктуемых временем», и приобрёл известность уже как Виктор Щапов. Мессерер так описывал его: «Он был <…> настоящий пижон и удивительный тип. Каждый день в Архитектурном институте <…> мы видели его в новой крахмальной рубашке с белоснежными манжетами, заколотыми золотыми запонками, и в неимоверной расцветки галстуке с изображением обнаженной женщины в бокале. Всем казалось, что это ходячий объект для травли со стороны бдительных комсомольских деятелей. Но, как ни странно, он был для них неуязвим, потому что был сталинским стипендиатом, по всем предметам имел пятерки, а свои проекты подавал в исключительно эффектном графическом исполнении» (цит. по: Любартович, 2001б). В Сети о нём много материалов, и большая их часть написана, по-моему, на фоне отчаянной зависти: Виктор был талантлив, успешен, очень богат, щедр, в его доме постоянно толпилась, кормилась, а то и жила масса богемного народа (в том числе Юрий Визбор). Виктор был известным плакатистом (большая серия рекламы такси), а также иллюстратором детских книг (в том числе «Персидских сказок», 1958; сказок К. И. Чуковского и др.). Эти тоненькие детские книжки с изящными рисунками В. Щапова и сейчас продаются в Сети и стоят дорого. Он «пробил» строительство знаменитого кооператива художников на Малой Грузинской, где и жил в последние годы – по соседству с Владимиром Высоцким. Он был человек работоспособный (многие отмечают, что даже пьющая и гомонящая толпа не могла помешать ему работать) – и обаятельный.

С Таней Щаповой он через несколько лет развёлся, но фамилия при нём осталась и перекочевала к его очередной жене – Леночке Козловой, одной из самых известных московских моделей. Леночка была красива – и остаётся таковой до сих пор, в чём можно убедиться, набрав в поисковике «Елена Щапова де Карли» (её последним мужем стал итальянский граф). Но интересна она не этим, а тем, что ушла от Виктора к молодому и ещё совершенно неизвестному Эдуарду Лимонову (1943–2020), которого сам Виктор и позвал к себе – поесть борща, чтобы не выглядеть таким голодным. Лимонов тогда уже писал очень неплохие стихи, но на жизнь зарабатывал шитьем

[32] Мессерер Борис Асафович (род. 15.03.1933) – театральный художник и сценограф, академик РАХ, народный художник РФ, дважды лауреат Государственной премии. Муж Б. А. Ахмадулиной, кузен М. М. Плисецкой.

брюк. И если стихи его – на любителя (как и проза), то брюки он шил, безусловно, мастерски[33].

А Татуля Щапова во второй раз вышла замуж за человека не менее интересного и неординарного. Это был кандидат физ.-мат. наук Давид Леванович Келенджеридзе (1930–2011). Его прах был последним захоронен в могилу Щаповых. Сведений о нём в Сети меньше, чем о Викторе Щапове, но они рисуют образ сложный и привлекательный. Диссертация Келенджеридзе (1962) называлась «К теории оптимального преследования». Простым смертным понять это невозможно, но вот что говорит Википедия: «Игра преследования – антагонистическая дифференциальная игра преследователя (догоняющего) и преследуемого (убегающего), движения которых описываются системами дифференциальных уравнений. Игра стала изучаться с появлением управляемых торпед и ракет: какова должна быть тактика ракеты, чтобы сбить истребитель? А истребителя, чтобы уйти от ракеты? При этом ракета намного быстрее истребителя, но ограничена в манёврах и живёт недолго». Дифференциальные игры – раздел математической теории управления (academic.ru). Этими «игрушками» занимался, например, один из крупнейших математиков XX века академик Л. С. Понтрягин.

Давид Леванович был знатоком и мастером и «обычных» игр: он известен как превосходный игрок в преферанс и другие интеллектуальные карточные игры, его называли гуру игры (Лесной, 2014). Сам Келенджеридзе говорил так: «Я считаю, что изменить Россию можно через интеллектуальные игры в школах, детских садах. Интеллектуальные, логические игры — это вообще моё хобби, моя болезнь. <…> Историю хочется рассказать <…>, чтобы вы поняли, как высоко значение интеллектуальной игры». История о том, как академик Л. Д. Ландау дал студенту, поступающему в аспирантуру, только одно задание: продолжить логический ряд из следующих букв: «О», «Д» и «Т». Студент тут же написал «Ч»: «один», «два», «три», «четыре»… «Мальчика приняли в аспирантуру и уже через полтора года он защитил диссертацию и почти сразу — докторскую» (https://review-pref.ru/galleries/9/)[34].

А школу и воспитание детей Давид Леванович упомянул не зря. Для учеников школы в Александрове-Щапове он на личные средства основал стипендии-премии имени Ильи Васильевича Щапова по результатам учебного года «за незаурядные успехи в учении и примерное поведение в школе и вне школы, за честность, вежливость, почтительность к старшим, внимание к младшим, общую культуру и нравственную чистоту». Это было сделано в память о рано умершей (всего в 56 лет) горячо любимой жене Тане. Торжественное вручение первых стипендий состоялось 10 января 1994 г. С начала учреждения стипендии её лауреатами стали 36 обучающихся (Лесной, 2014). Среди друзей и товарищей по игре у Давида Левановича были Григорий Горин, Аркадий Арканов, Александр Ширвиндт — компания, прямо скажем, не из худших.

[33] Я могу это засвидетельствовать: в 1970-х я ходила в МГУ в шикарных лимоновских брюках из супермодного тогда вельвета.

[34] Знаменитый тест Ландау выглядел немного иначе (р, д, т, ч, п, ш…; первое слово «раз»), и не всех решивших его он брал в аспирантуру, полагая, что пройти его может или гений, или кретин...

Так что Д. Л. Келенджеридзе был отнюдь не вульгарным картёжником. Заметим, карточной игрой в своё время страстно увлекались такие, в сущности, достойные люди как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, что отражено в их классических текстах – от «Пиковой дамы» до «Войны и мира», от «Фаталиста» до «Игрока».

В публикации В. А. Любартовича (2021б) о мужьях Татьяны Николаевны написано с некоторым пренебрежением – с подачи Я. Н. Щапова: он с горечью говорил о том, что славная фамилия ушла к совсем чужим и чуждым людям[35]. Действительно, графиня Щапова Де Карли вряд ли могла бы стать подругой обеих Татьян Щаповых. Но Татьяна Фёдоровна, по отзывам знавших её, была терпима к людским слабостям и обладала тонким чувством юмора, так что мужей дочери вряд ли презирала бы, тем более что они оба были профессионалами в своих областях. С Виктором она была знакома: когда ТФ погибла, он, студент предпоследнего курса, был на практике в Ленинграде и сразу приехал на похороны. В 1956 г. он ещё был женат на Тане: он присутствует на семейной фотографии (см. ниже). Но и к Давиду Левановичу ТФ наверняка относилась бы с интересом.

Ярослав Николаевич Щапов (1928–2011) – двоюродный брат ТФ, сын её дядюшки Николая Михайловича (у которого была ещё и старшая дочь Светлана, 1926 г. р.). Я. Н. Щапов был известным историком, профессором, членом-корреспондентом АН СССР и РАН. Его труды посвящены истории Древней Руси IX–XIV веков (государство и право, культура, связи с Византией и славянскими странами). В его научном багаже 10 монографий и более 400 научных работ. Он был одним из создателей «Православной энциклопедии», а также председателем и почётным членом Императорского Православного Палестинского Общества, председателем Научного совета «Роль религий в истории» РАН, руководителем департамента науки Российского дворянского собрания. Я. Н. Щапов был отмечен наградами как государственными (орден Дружбы народов, 1988; орден Почёта, 1998), так и церковными (орден преподобного Сергия Радонежского II степени)[36].

Я. Н. Щапов долгое время (до 2008 г.) проработал директором «Муниципального музея истории усадьбы Щапово». Опубликовал серию работ об усадьбах Подмосковья, в том числе «Село Александрово – посёлок Щапово XVII–XXI века» (2007). Его супруга Юлия Леонидовна Щапова (1930–2019) была профессором МГУ, доктором ист. наук, археологом, специалистом по древним технологиям и материалам, прежде всего по эволюции стекольного производства в России и Европе. Администрацией Подольского района супругам был предоставлен в пожизненное пользование один из домов Щаповского музейного комплекса (Википедия).

---

[35] Впрочем, с Келенджеридзе Я. Щапов и его супруга поддерживали отношения, в 1999 г. были у него в гостях, подарили ему книгу Н. М. Щапова «Я верил в Россию…», а он передал им вазу, принадлежавшую П. П. Щапову, для музея в Александрове (ЦГА, ф. Л-310, оп. 3, д. № 73, лист 17).

[36] Забавно, что в одном из дневников его отец, Николай Михайлович, пишет о том, как юный Ярослав подшучивал над старшими членами семьи за то, что они празднуют Пасху, поскольку искренне считал это тогда «пережитком» и «опиумом народа».

Сейчас в Москве, скорее всего, проживают несколько представителей рода Щаповых: сын Я. Н. Щапова Фёдор (1958 г. р.) и его дети – Александр (1984 г. р.), Николай (1986 г. р.) и Константин (1988 г. р); дети Светланы Николаевны – Владимир и Зоя, дочери и сын Марии Алфёровой – Елена, Андрей, близнецы Ася и Наталья. У Татьяны Николаевны детей не было (Я. Щапов, 1952–2007)[37]. Кто-то из племянников ТФ и/или внучатых племянников явно регулярно посещает Введенское кладбище: могила ТФ и её близких тщательно ухожена.

Непременно надо съездить в Александрово-Щапово: может быть, там обнаружится ещё что-нибудь интересное и неожиданное. Хотелось бы выяснить, например, какова судьба премии Келенджеридзе.

Последнее семейное фото Щаповых (12 мая 1956 года)

Недавно, в день 140-летия Н. М. Щапова, 16 июня 2021 года, на сайте ЦГА Москвы появился материал, озаглавленный «Вся жизнь в дневниках: Главархив делится записями инженера Николая Щапова», в котором были приведены 10 фотографий из архива Щаповых. Одна из них заинтересовала меня особенно, так как на ней была запечатлена вся семья Щаповых в 1956 году, в том числе муж и брат ТФ, которых я сразу узнала. Подпись гласила, что съёмка была выполнена в день 75-тилетия Николая Михайловича. Я удивилась: на снимке отчётливо виден куст, совершенно лишённый листвы, и все участники съёмки довольно тепло одеты – совсем не по-июньски (рисунок 37).

Я просмотрела дневник Н. М. Щапова за 1956 г. и выяснила, что съёмка происходила 12 мая 1956 г., безо всякой связи с юбилеем. Николай Михайлович задумал собрать и сфотографировать всю семью: «В моей семье 8 человек, потомки сестры Мины, – итого 24. Упрашивал всех, не явилось трое: дочь Алфёровых Ася, зять Менкелей Юлий и их внук Саша…» (ЦГА, Л-310, опись 1, дело № 169). Он не просто захотел иметь семейное фото («А затем и приятно иметь группу родных – их связи распадаются, к сожалению»), но имел конкретную цель, о которой пишет так: «12.V.56 сб. [*суббота – ОВМ*]. Произошло событие: фотосъёмка потомства М. И. и М. К. Щаповых. Задумал её осенью 1955 г. Именно: я хлопочу о замене моей жилой площади в перенаселённой квартире отдельной квартирой. Просил о том Моссовет. Отказ. Просительное письмо Хрущёву. Из Моссовета условный отказ: со временем, если окажется возможным. Пойду 15.V на приём к заместителю председателя Моссовета. Если опять ничего – разошлю вождям этот фотоснимок: вот, дескать, моя семья и мои воспитанники-племянники, из 24 человек 15 научных работников, успокойте меня квартирой» (ЦГА, Л-310, оп. 1, д. № 169; подчёркивания НМЩ). «Воспитанникам-племянникам» он об этой цели рассказывать не стал, поэтому,

[37] Листы 18-20 из дела № 73 (см. список литературы), датированные 26.2.2007, заверенные личной подписью Я. Н. Щапова и озаглавленные: «Справки о фондообразователях архива Щаповых, передаваемого Я. Н. Щаповым в архив-музей личных коллекций г. Москвы» (машинопись).

видимо, в их памяти эта торжественная семейная съёмка совместилась с юбилеем, который последовал через месяц с небольшим. Съёмку провёл сосед, фотограф-любитель Вадим Игоревич Пешель.

Рис. 37 – Семья Николая Михайловича Щапова. 12 мая 1956 г.
Во дворе дома на Новой Басманной ул., 17.
Сидят (слева направо): В. А. Щапов (Шерешевский), Т. Н. Щапова (дочь ТФ), Елена Алфёрова (племянница ТФ), Н. П. Щапов (супруг ТФ), Е. Н. Щапова (супруга НМЩ), сам НМЩ, их дочь Светлана с сыном Володей и дочкой Зоей (на руках), М. Ф. Алфёрова, ?, ?
Стоят (слева направо): Я. Н. Щапов (сын НМЩ), его жена Ю. Л. Щапова (?), ?, М. Ф. Менкель (брат ТФ), В. В. Алфёров, супруг Светланы, далее – племянники ТФ.
Фотография с сайта ЦГА Москвы от 16.06.2021

Летопись этих «хождений по бюрократическим мукам» содержится в отдельной папке (ф. Л-310, оп. 1, д. № 168), там названы чиновники, которые 5 (**пять**) лет гоняли старого глуховатого профессора-орденоносца по замкнутому кругу и откровенно издевались над ним (запись от 21 июня 1957: В. П. Семин, начальник Управления учёта и расквартирования: «круглое излишне лицо, 2 взлобья. Говорил тихо, отказался (!) говорить громче. Сказал: площадь обменяем, вас известим. – Когда? – Вероятно, осенью. <…> Пробовали убеждать, что я 2 года хожу и т.д. Он: другие, почтенные и партийные ждут больше. Наш № по учёту 971»).

Почему Николай Михайлович решил, что эти монстры умилятся, увидев его большую семью (тем более что значительная её часть жила отдельно от него), и ускорят «решение вопроса» – он не объясняет. Видимо, это был жест отчаяния. И, наверное, поэтому у его жены Евгении Николаевны на снимке такое трагическое лицо.

Квартиру Н. М. и Е. Н. Щаповым всё-таки выделили – в январе 1960 г., трёхкомнатную, за метро «Университет». С ремонтом как новой, так и старой квартиры (перед

«сдачей» её государству), помогали рабочие из ВИГМа[38]. Одна из последних записей в дневнике 1960 г.: «9. III. Рабочие из ВИГМа отделывают квартиру, очевидно, днём. Как же это? В оплачиваемое ВИГМом рабочее время, но получают за это мои деньги особо?!» Николай Михайлович так и не смог стопроцентно вписаться в советский быт… Последняя запись – от 28 марта 1960 г. – о хлопотах по установке телефона. А ровно через 2 месяца, 28 мая, Николая Михайловича не стало. Он не дожил совсем немного до своего 79-летия. Нет никаких сомнений в том, что 5 лет унижений и издевательств сильно сократили его жизнь.

Заключение

У Эдуарда Лимонова есть такие стихи:

«Я в мыслях подержу другого человека
Чуть-чуть на краткий миг … и снова отпущу.
И редко-редко есть такие люди,
Чтоб полчаса их в голове держать».

Татьяна Фёдоровна Щапова «держится в голове» уже без малого 70 лет. Я надеюсь, что моя статья поспособствует её дальнейшему существованию в наших головах. Она сама и её жизнь заслуживают не просто памяти, но восхищения этой хрупкой женщиной, не сгибавшейся ни в каких обстоятельствах. Посмотрите Приложение 1 и ответьте себе честно: вы смогли бы за такой срок, не имея современных средств передвижения и возможностей связи, просто проделать такой маршрут? А она ещё и вместе со всеми собирала водоросли на продуваемой холодной дальневосточной литорали… Она была нежно и преданно любима своими родными, к ней с теплотой и даже преклонением относились её ученики и коллеги, её работы по сей день не устарели и служат эталоном научных публикаций. В своих мемориальных статьях её друзья и коллеги написали о ней так: «Своей мягкостью, очарованием, своим оптимизмом, тонким юмором Татьяна Фёдоровна привлекала сердца всех, кто с ней соприкасался» (Киреева, 1957) и так: «Образ Татьяны Фёдоровны, <…> учёного больших горизонтов, щедрого и внимательного учителя, идеального старшего товарища, энергичного организатора, не знавшего усталости полевого работника, живого и деликатного спутника, сохранявшего всё своё обаяние и юмор в самых тяжёлых положениях, человека красивой души – весь облик Татьяны Фёдоровны служит постоянным примером для всех продолжателей её дела» (Мокиевский, 1957).

Мне кажется, что было бы справедливым и правильным, если бы портрет Татьяны Фёдоровны Щаповой украсил портретную галерею выдающихся океанологов в Большом конференцзале нашего Института. В конце концов, это было бы в духе времени: там ведь до сих пор почему-то нет ни одного женского лица…

[38] ВИГМ – Всесоюзный институт гидромашиностроения, впоследствии ВНИИГидромаш.

Приложение 1

Из полевого дневника Наты Михайловны Селицкой (начат 16.07.1954, окончен 18.09.1954)

«ИЮЛЬ
16.07.54 – г. Холмск.
Первые сборы водорослей на галечном берегу, «метрах в 100–150 зарифье, идёт сильная волна, а ближе к берегу тише».
17.07.54 – остановка возле Ясноморское. Нашли в литорали Cystophyllum, Alaria. В выбросах Zostera marina, Laminaria, Costaria, Scytosiphon. В литорали Dyctiosiphon.
18 и 19.07.54 – к S от Горнозавода. С утра сборы на литорали «до рифов», потом – «Во второй половине дня ездили на «катание» на рифы. … Набрали много для гербария».
20.07.54 – Эти рифы интересного происхождения. Когда-то тут действовал вулкан, эти извержения остались, произошёл сброс, поэтому рядом с рифами большая глубина – метров 6–10. Там растут огромные Cystophyllum, все обросшие эпифитами.
21.07.54 – сборы на литорали.
22.07.54 – сушка гербария, сборы.
23.07.54 – переезд в посёлок Светляки.
24.07.54 – разрез через песчаную литораль в Светляках.
25.07.54 – Укладка, упаковка, переезд.
26.07.54 – посёлок Яблочное: «Побродили по литорали. Ничего интересного. … Работа в библиотеке». В тот же день: пос. Антоново – литоральные сборы.
27.07.54 – Утро – перекладка гербария. Продолжение работы в библиотеке.
[*Видимо, эти посёлки совсем рядом, раз библиотека достижима из обоих – ОВМ*].
28.07.54 – Ходили на литораль с Т.Ф. Вода невыносимо холодная, в основном описание прежнее, но + около берега интересная Ulva: имеет вид пузыриков на глубине 60 см на расст. 4 м от берега.
29.07.54 – Погода отвратительная. Переписывала обитание различных видов из Окамуры.[39]
30.07.54 – Ездили на рифы. В основном растительность та же. Только есть ещё красненькие вроде Iridea, но маленькие (засуш.).
31.07.54 – К N от Чехова. Литоральные сборы.
АВГУСТ
01.08.54 – Переезд дальше. Ночёвка к N от оз. Бакланы.
02.08.54 – Углегорск. Не работали.
03.08.54 – Широкая Падь. Описание каменистой литорали. Сборы.
04.08.54 – Александровск. Кеккуры «3 брата»[40] (рисунок 38).
05.08.54 – Опять работа на кеккурах «3 брата».
[*Не только описание флоры, но и данные по проективному покрытию Sargassum, Fucus и др. – ОВМ*].

---

[39] Okamura K. 1907–1934. Illustrations of the marine algae of Japan (Icones of Japanese algae). № 1–7. Tokyo.
[40] Три Брата – группа из трёх столбообразных скал (кекуров) в Татарском проливе у западного побережья Сахалина, у мыса Жонкиер вблизи города Александровск-Сахалинский. Официальный символ города. А. П. Чехов, покидая Северный Сахалин, написал: «Я стоял один на корме и прощался с этим мрачным мирком, оберегаемым с моря Тремя Братьями, которые теперь едва обозначались в воздухе и были похожи впотьмах на трех черных монахов» (10.09.1890). Не следует путать с одноимёнными скалами на Камчатке (https://ru.wikipedia.org/wiki/Три_Брата_(острова,_Сахалин)).

06.08.54 – Взяла площадку Sargassum 17×17 [см] на глубине 28 см, где гуще план покрытия. Нашла в ней интересный мохнатый выброс. Начало курсовой работы – мористая сторона рифов. … Сборы О. Б. [Мокиевского]. Протока между 1 и 2 кеккурами.
07.08.54 – Перекладка гербария.
08.08.54 – Неблагоприятная погода для работы.
09.08.54 – Александровск. За мысом. Описание, сборы.
10.08.54 – К S от Хоэ. Бухта Пятилетки. Описание, сборы.
11.08.54 – Сушка и обработка.
12.08.54 – Переезд.
13.08.54 – Отдых.
14.08.54 – Сушка и перекладка. Сидели в Углегорске.
[*Следующая запись вплотную к предыдущей; видимо, все 6 дней сидели на месте – ОВМ*].
21.08.54 – Переехали в Бошняково.
22.08.54 – К N от Бошняково. РИФЫ. Описание, сборы.
23.08.54 – Переезд.
24.08.54 – К S от Чио или Сергеевки. [Из дневника ТФ: «К S от Сергеевки (Чио), р-н Углегорска»]. Описание, сборы.
25.08.54 – Описание, сборы.
26.08.54 – Переезд.
27–28.08.54 – Работы на ближнем рифе.
29.08.54 – Описание, сборы.
30.08.54 – N Ламанон. Рифы возле стоянки. Каменистый берег. Описание, сборы.
[*Ламанон – мыс на западном берегу Сахалина, между Углегорском и Красногорском –ОВМ*].
31.08.54 – К S от Лесхоза (S Ламанон). Очаровательная бухта. Описание, сборы. Много рисунков местности.

Рис. 38 – Кекуры «Три Брата» около Александровска-Сахалинского.
Из: https://varandej.livejournal.com/983135.html?ysclid=lemxdkc5ji296027162

СЕНТЯБРЬ
01.09.54 – Мыс Стукамбис. [*В той же бухте – ОВМ*]. Островок в лагуне. Интересное распределение растительности от открытого моря внутрь лагуны. Описание, сборы.
02.09.54 – Сушка и перекладка герб[ария].
03.09.54 – Переезд.

04.09.54 – Переезд.
05.09.54 – Антоново. Описание, сборы.
06.09.54 – Коллокв[иум] в ТИНРО.
[*Обсуждение особенностей флоры и фауны в более северных районах от Хоэ до Углегорска и в более южных от Углегорска до Волково. Упоминается «эндемик Schapovia», т.е., ТФ знала статью А. Д. Зиновой (1954) – ОВМ*].
07.09.54 – Антоново. Работали на литорали, в основном на рифе.
08.09.54 – Вышли на Монерон и вернулись в Невельск.
09.09.54 – Пережидали шторм в Невельске.
10.09.54 – Работали на NO берегу Монерона.
11.09.54 – Монерон. Скалистый остров, мористая сторона. Описание, сборы.
12.09.54 – Переезд Невельск, Горнозаводск, Ивановское.
13.09.54 – Работа на литорали в Ивановском. Записи у Т.Ф..
14.09.54 – Переезд на катере.
15.09.54 – Ясноморск. Очень бедная прибрежная часть литорали <…> О.Б. с рифов принёс: наверху в расщелине скалы Gloiopeltis, ~ 45 см, очень немножко <…> Больше ничего увидеть не удалось из-за штормовой погоды.
[*Отмечена последняя взятая проба (багрянки Ceramium) под номером 287. В полевом дневнике ТФ за 13 и 14 сентября отмечены пробы, взятые в посёлке Ивановском, там последняя проба помечена номером 327 – ОВМ*].
16.09.54 – Ждали погоды в Невельске.
17.09.54 – Пришли в Антоново.
18.09.54 – Отправились в Южный…».

На этом записи в дневнике Н. М. Селицкой обрываются, лишь в конце приведены сводные данные по собранным материалам и по загербаризированным водорослям: около 20 родов красных, 15 родов бурых, 4 рода зелёных. До вида они ещё не определены.

Рис. 39 – Ната Селицкая в Сахалинской экспедиции. 1954.
Из архива Л. И. Москалёва (фотоальбом 1950-х гг.). Публикуется впервые

Приложение 2

Письма Т. Ф. Щаповой к Н. М. Щапову (ЦГА, ф. Л-310, оп. 2, д. № 56).

Из Крыма, 1911. Тане 9 лет.

1911 г. Кастрополь[41]

7 іюля

Милый дядя Коля, пріезжай къ намъ! Миша и Маня ждутъ тебя кататься верхомъ. Я 3яго дня начала купаться, а мама уже давно. 3 іюля я лазила съ подругой Маней на шоссе и разодрали себѣ ноги. Состроили мы съ Маней домъ изъ камней, вышло хорошо! Иду спать, прощай! Завтра допишу. Сегодня сильный прибой и холодная вода, всего 16 или 17 градусовъ, но я купалась. Прощай! Пріезжай к нам!

Таня Менкель

Из Крыма, 1925. ТФ 23 года.

Санаторий Гаспра[42] 8/V 25

Дорогие дядя Коля и Мария Васильевна![43]

После долгих колебаний и сомнений перебралась наконец в Гаспру. Кругом меня – рядом, вверху и внизу – живут такие умные люди, что страшно делается своего ничтожества. Во дворце[44] поместилась Вера Николаевна Фигнер[45] – замечательно интересная и подвижная старушка, рядом с ней в комнате её сестра[46]. В том флигеле, где живу я, преобладает молодёжь, по большей части женщины-учёные; каких только специальностей здесь нет – врачи, агрономы, художники, археологи. Мужчин довольно мало, около «$25^1/_2$%», как выражается один старичок профессор.

Проводим дни довольно однообразно: после утреннего чаю около 10 часов вся публика обыкновенно разбредается гулять, причём больше всего энергии проявляет Вера Николаевна – она иногда даже до чаю умудряется совершить прогулку на море. Часам к 12 обыкновенно уже возвращаются обратно с громадными букетами роз, пионов, ракитника. Сегодня у каждого прибора лежал какой-нибудь цветочек, а в громадных вазах красовались дивные букеты сирени и глицинии. По случаю праздника (мы, крымские жители, празднуем пятницу – день отдыха магометан) у нас к чаю был шоколад и все с ожесточением сосали твёрдые чёрные неразламывающиеся куски. После обеда соблюдается абсолютная тишина и все с наслаждением отдаются отдыху, вытягиваясь на удобных longe-chais'ax[47]. Вечерами сидим в комнатах дворца, предоставленных в общее пользование кубинцев [? – *ОВМ*]. Внизу в обеих комнатах имеется по одному роялю и кто-нибудь из моих сожителей услаждает наш слух игрой.

---

[41] Кастрополь (с 1971 – Береговое, в составе Большой Ялты) – курортный посёлок на южном берегу Крыма.

[42] Гаспра – посёлок городского типа в 12 км западнее Ялты. ТФ лечилась там от туберкулёза.

[43] Мария Васильевна – первая жена Н. М. Щапова.

[44] Дворец – дворец князя А. Н. Голицына и графини С. Паниной, построенный в 1830-х гг. Здесь отдыхал и работал Л. Н. Толстой.

[45] Фигнер Вера Николаевна (1852–1942) – член Исполнительного комитета «Народной Воли», участница покушения на Александра II, за что в 1926 г. ей была назначена персональная пенсия. Каторжанка. Эсерка, Октябрьскую революцию так и не приняла. В годы репрессий пыталась помогать арестованным. Её 70-ти и 80-тилетия широко отмечались в СССР. Талантливая писательница.

[46] Сестры Ольга и Лидия умерли в 1919–1920 гг., так что это, видимо, была племянница.

[47] По-русски этот вариант раскладывающегося сидения называют *шезлонг*, хотя изредка и *лонгшез*.

Дворец Паниной имеет несколько мрачный вид и немножко напоминает средневековый замок. По бокам его возвышаются 2 башни, причём одна из них [с] помощью галереи соединяется с большой часовней. Наверху и внизу имеются две больших веранды, выходящих на море; на нижней мы обедаем, ужинаем и пьём чай. Мне досталось не очень удачное место за столом – с одной стороны пожилой врач-еврей, почти совсем глухой, а с другой – агроном с больным горлом, которому запрещено говорить. Первый из них очень болтлив, и мы с ним к общему удовольствию окружающих ведём разговоры, которые бывают слышны не только по всей веранде, но даже и в парке.

Погода у нас в Крыму стоит отвратительная – даже досадно: в Москве жара, а мы готовы кутаться в драповые пальто. Но, несмотря на это, везде масса зелени, в нашем парке, довольно обширном, всё цветёт. Я совершаю очень небольшие прогулки, большей частью куда-нибудь, не выходя из парка, подыскиваю себе скамеечку и в созерцании моря и других крымских красот пребываю довольно длительное время в таком положении.

Мусенька [? – *ОВМ*] меня навещает каждый день, и я с нетерпением жду её прихода – так приятно бывает видеть ещё издали её серенькую трогательную фигурку. На море я совсем не бываю – уж очень к нему трудно добраться, надо спускаться к нему минут 20, а подниматься к нам обратно вдвое дольше. Здесь имеется библиотека и все с жадностью берут и читают книги. Как-то вы все поживаете? Меня уже начинает тянуть в Москву, так хочется всех повидать! Коля пишет, что сажал флоксы под наблюдением Марии Васильевны. Как поживает огород? Как-то даже трудно представить себе жизнь москвичей: мы здесь целые дни ничего не делаем, лежим, отдыхаем, а вы живёте совсем другим темпом – хлопочете, работаете, деловым шагом ходите по улицам. Как здоровье М.В.?

Ну, надо кончать. Звонят к ужину. Всего хорошего. Целую.

Таня

Из Ленинграда. 1945. ТФ 42 года.

26/IX 45

Дорогой дядя Коля,

вот уже две недели как я существую в Ленинграде. Живу в доме учёных и обедаю там же. В общем всё было бы хорошо, если бы не страшный холод всюду. Во всех библиотеках нестерпимо холодно, так что с трудом сижу 4–5 часов, а потом галопом несусь в столовую. Наступают блаженные минуты после обеда, когда я на часок закутываюсь на постели. Ленинград прихорашивается к памятным дням [? – *ОВМ*], но одних стёкол надо тонны… Все красивейшие здания целы и я с умилением прохожу мимо Строгановского дворца[48], Александр[инского] театра и др. особенно полюбившихся зданий. Погода последнюю неделю ужасная – льют дожди, холодно. Как твоё здоровье? Думаю вернуться 10–12 октября. Мечтаю об электроплитке – если не получу из Москвы, то завтра пойду купить на базар.

Целую. Всем вашим – привет. Т.

Из поезда Москва – Владивосток, 1948. ТФ 46 лет.

27/V 48

Дорогой дядя Коля,

еду уже шестые сутки и совсем сбилась со временем. Разница между московским и местным, солнечным, возросла до 5 ч[асов]. В вагоне полный разнобой и мы без всякого

[48] Строгановский дворец – построен в 1753–1754 гг. по проекту Б. Ф. Растрелли. С 1988 г. – филиал Государственного Русского музея (Невский просп., 17 / набережная Мойки, 46). Александринский театр тоже на Невском. Т.е. ТФ ежедневно ходила «в библиотеки» по Невскому проспекту.

порядка встаём, пьём чай и ложимся спать. Проехали наши северные леса с берёзкой и елью, перевалили через Урал с его гранитами, одетыми в пышную свежую зелень, одолели Барабинские степи и нынче утром подкатили к Байкалу. С правой стороны подступают почти отвесные скалы с [нрзб.] лиственниц и берёз, а с левой у самой насыпи плещутся волны. Красота!.. На остановках покупаю кислое молоко, сметану, яйца. Потрясаюсь вкусом копчёного байкальского омуля и байкальской … редиски. Сия овощь здесь так крупна, сочна и сладка, что я покупаю несколько раз в день розовые огромные пучки по 1 р. штука. До Свердловска мучились жарой и духотой, а сейчас стало совсем прохладно. Соседи вполне приемлемы и некоторые увлекают меня своими рассказами.

Целую вас всех. Таня.

Из Владивостока, 1948.

13/VII 48

Дорогой дядя Коля,

живу во Владивостоке только две недели, а такое чувство как будто существую здесь целый год. Дни бегут незаметно, насыщенные всякими хлопотами и заботами.

Сам по себе город представляет мало интересного и после изгнания корейцев и китайцев он потерял то немного экзотичное, что в нём было: китайские кварталы, китайский театр, курильни опиума.

Как ни странно, но моря в нём совершенно не чувствуется – где-то оно так далеко за помойками и грязными заборами, что до него трудно добраться. К тому же оно у Владивостока не похоже на настоящее – очень глубокий залив, без волн, бегущих одна за другой и без той сине-зелёной прозрачности, которая свойственна более открытым берегам.

Живём в гостинице, когда-то славившейся как лучшая, а сейчас пришедшей в полный упадок. Я занимаю один номер, мои мальцы[49] – соседний.

В результате хождений в Военный флот к главнокомандующему, в Приморрыбснаб и во всякие ин[ститу]ты, имеющие связи с этими учреждениями, мы оказались временными хозяевами военного катера, предоставленного нам для работ на 1 ½ месяца. Он не лишён комфорта – в капитанской каюте, где любезный хозяин уступает мне свою постель, – есть даже душ, на столе – телефон. По сравнению с рыболовецкими судами, на которых мне приходилось плавать, это просто неслыханная роскошь. Команда состоит из 30 человек; приятно, что в неё входят 6 водолазов. Нам их можно будет использовать при работах. В общем всё складывается пока удачно, и если не подведёт погода, то мы вероятно со вкусом поработаем.

Очень удобно ещё и то, что они, взяв от нас продукты, включают всех на военное питание, так что мы не будем заботиться об обедах, ужинах и чаях.

Выход назначен на завтра на 10 ч[асов] у[тра]. За нами в гостиницу явятся моряки и, захватив наше барахло, проводят нас на судно. Ежели у тебя под рукой окажется карта, то погляди на ней побережье к северу от Владивостока. Мы пойдём вблизи берегов с заходами в бухту Ольги, Тетюхе, Терней, м[ыс] Песчаный, Совгавань и Де-Кастри. Вернувшись около 1/IX во Владивосток, отправимся на юг, в б[ухту] Посьет.

Скучаем без свежих овощей и фруктов – на базар бежать некогда, а в ресторанах мясо и лапша. Картошки совсем нет.

Как-то у вас сложилось с дачей? Довольны ли вы? Как здоровье Жени[50]?

Целую всех. Таня

---

[49] Имеются в виду О. Б. Мокиевский и два лаборанта, которые участвовали в этой экспедиции. Имена лаборантов в статье Мокиевского (1957) не названы, но одним из них, возможно, был Ф. А. Пастернак.

[50] Евгения Николаевна – вторая жена Н. М. Щапова, мать его детей, Светланы и Ярослава.

Из Голубой бухты (ЧЭНИС), 1952. ТФ 50 лет.

28. VI. 52

Дорогой дядя Коля,

твоё скромное желание получить от меня открытку вместо телеграммы вызвало во мне благородное стремление написать тебе письмо.

Со вчерашнего дня дует зюйд, усилившийся сегодня и перешедший в шторм. Вся наша маленькая долина наполнена завываньем ветра и шуршаньем гальки, скатывающейся и набегающей вновь вместе с волнами. И невольно от этого шума и свиста вкрадывается тревога, и невольно думаешь о кораблях, ушедших в море.

Наше экспедиционное судёнышко «Форель» сейчас плавает в Азовском море; вероятно, этот шторм заставил их зайти в порт и отстаиваться там в ожидании хорошей погоды. А вот этой самой хорошей погоды всё нет и нет; проскочат один-два тёплых тихих солнечных дня, а потом опять найдут облака, задует ветер, и лета как не бывало. Сплю под двумя шерстяными одеялами, а днём хожу в шерстяной кофточке – и мёрзну… Вот что у нас в Геленджике делается… Едим кислую черешню и ещё более кислую вишню и тоскуем по теплу и солнышку.

Живу здесь на Станции с большим комфортом: у меня чудесная комната в небольшом коттедже с террасой и двумя кустами роз у входа. В коттедже все удобства вплоть до ванны с душем; но что удивительней всего так это наш комендант – милейший человек, честный малый, добросовестнейшим образом пекущийся о наших удобствах. Думается, в нынешнее время такой комендант – противоестественное явление.

Питаемся в столовой; качества этих обедов и ужинов очень невысоки, и мы подкупаем себе молоко, простоквашу, яйца. Утром и вечером пью чай у себя дома. Вчера вечером на электроплитке ухитрилась сварить себе из стакана вишни варенье и сегодня, в субботний вечер, пью, как бывало дома на Новобасманной, чай с собственной варки вареньем.

Наш рабочий день начинается в 7 ч[асов] у[тра]; когда жарко, такой распорядок дня очень удобен, а вот сейчас при сером пасмурном небе и дожде утром так рано вставать не хочется. Ежели светит солнце, я встаю ещё раньше и иду гулять на 30–40 минут. Эти утренние часы очаровательны – так щебечут птицы, так свежи ароматы сена, смешанного с запахом моря, так ласково светит солнышко, что я иду по знакомой дороге, словно впервые.

После работы опять иду гулять или в наше ущелье, или по долине нашей речки Ашамбы, или к морю.

Ты просишь привезти каких-нибудь луковичных растений; пожалуй сейчас поздно для них – все они цветут весной в мае. Если что-нибудь попадётся – выкопаю и притащу.

Передай моё поздравление Ярославу с окончанием университета – это большой пройденный этап. Нынче я Татуле послала такое же поздравление – 28го у неё последний госэкзамен. Наши дети стали совсем старыми.

Привет и поцелуй Жене и Светочке. Как поживает Вовочка?

В первых числах я ухожу в длительный рейс в Одесский район; зайдём и в Одессу на несколько дней. Если будет время черкни мне туда открыточку до востребования на Гл[авный] почтамт.

Целую. Таня.

Рис. 40 – Возвращение из черноморской экспедиции. 1952.
(Киреева, 1957)

Благодарности. Я глубоко признательна работникам трёх архивов, в которых я нашла интереснейшие материалы о жизни Татьяны Фёдоровны Щаповой, о её семье и работе. Прежде всего, это зав. Архивом нашего Института Зинаида Васильевна Харламова. Большую помощь оказали мне сотрудники Центрального Государственного Архива Москвы, его Отдела личных собраний, где в Фонде Л-310 в образцовом порядке хранятся семейные документы Щаповых. Особо благодарю Анну Альбертовну Бегдаш, а также Светлану Викторовну Сосна. Мне помогли и сотрудники библиотеки Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына, особенно Марина Владимировна Жаркова. Я признательна зав. отделом ВНИРО Михаилу Владимировичу Переладову за найденные фото и даты жизни М. С. Киреевой. Спасибо Владимиру Сергеевичу Кузину за предоставленные фотографии из семейного архива, а также Антону Артёмову за их обработку. Очень помог с фотоматериалами из последней экспедиции Щаповой Андрей Викторович Гебрук – спасибо ему большое. Спасибо Ирине Николаевне Сухановой за её живые воспоминания и за книгу Ю. Ф. Богданова. Я признательна Михаилу Владимировичу Флинту за то, что он нашёл время прочитать рукопись статьи и за его замечания и дополнения. Спасибо редакции «Океанологических исследований», особенно Юлии Валерьевне Воробьёвой, за долготерпение и неизменную доброжелательность. Благодарю Елену Евгеньевну Крюкову за найденные литературные источники и детальное обсуждение рукописи. Спасибо всем тем, кто прочитал этот огромный текст и сделал умные и точные замечания.

Публикации и рукописи Т. Ф. Щаповой

1. *Менкель-Щапова Т. Ф.* Исследование водной и прибрежно-водной растительности Косинских озёр // Тр. Косинской биол. Станции. 1930. № 2.
2. *Киреева М. С., Щапова Т. Ф.* Отчёт о стационарных работах по изучению йодонакопляющих водорослей, проведённых отделом донных водорослей Государственного океанографического института в 1931 г. // Тр. ГОИН. 1933. Т. III (3).
3. *Щапова Т. Ф.* Донная растительность литорали наших северных морей: Диссертация на соискание степени кандитата биол. наук. МГУ. 1938.
4. *Киреева М. С., Щапова Т. Ф.* Темп роста, возраст и спороношение *Laminaria saccharina* и *L. digitata* Кольского залива // Тр. ВНИРО. 1938. Т. VII. С. 29–58.
5. *Щапова Т. Ф.* Донная растительность северо-восточных заливов Каспийского моря – Комсомолец (Мёртвый Култук) и Кайдак // Ботанический журнал. 1938. № 23 (2). С. 122–144.
6. *Киреева М. С., Щапова Т. Ф.* Донная растительность северо-восточной части Каспийского моря // Бюлл. МОИП. 1939. Вып. XLVII (2–3). С. 3–14.
7. *Киреева М. С., Щапова Т. Ф.* Донная растительность восточного берега Каспийского моря // Там же. 1939. Вып. XLVIII (5–6). С. 32–52.
8. *Киреева М. С., Щапова Т. Ф.* Запасы и промысел морской травы // Рыбное хозяйство. 1939. № 3.
9. *Щапова Т. Ф.* Амфипацифическое распространение некоторых видов водорослей // Доклады АН СССР. 1946. Т. LII (2). С. 171–173.
10. *Щапова Т. Ф.* Биполярное распространение некоторых видов бурых водорослей // Там же. 1946. Т. LII (5).
11. *Щапова Т. Ф.* Географическое распространение порядка Laminariales в северной части Тихого океана // Тр. ИО АН СССР. 1948. Т. II. С. 89–138.
12. *Щапова Т. Ф.* Географическое распространение и пути расселения бурых водорослей порядков Laminariales, Fucales и Desmarestiales в северной части Тихого океана. 1948. Рукопись докторской диссертации.
13. *Мейер К. И., Щапова Т. Ф.* Определитель бурых, красных и зелёных водорослей // Определитель фауны и флоры северных морей СССР / Под ред. Гаевской Н. С. М.: Советская наука, 1948. С. 516–533.
14. *Щапова Т. Ф.* Донные макрофиты водоёмов Таманского полуострова // Современные аналоги нефтеносных фаций: Сб. научн. трудов. М.-Л.: Гостоптехиздат, 1950.
15. *Щапова Т. Ф.* К систематике черноморской цистозиры // Тр. ИО АН СССР. 1953. Т. VII. С. 300–319.
16. *Сабинин Д. А., Щапова Т. Ф.* Темп роста, возраст и продукция *Cystoseira barbata* в Чёрном море // Тр. ИО АНСССР. 1954. Вып. VIII. С. 119–146.
17. *Щапова Т. Ф.* Филлофора Чёрного моря // Тр. ИО АН СССР. 1954. Т. XI. С. 3–35.
18. *Щапова Т. Ф.* Донная флора литорали Японского моря // Труды проблемн. и тематич. совещаний ЗИН АН СССР по материалам 3-й конф. «Исследования фауны дальневосточных морей, январь 1954». 1956. Т. 6. С. 93–97.
19. *Щапова Т. Ф.* Литоральная флора материкового побережья Японского моря // Тр. ИО АН СССР. Т. XXIII (23): Биологические исследования морей (бентос) (памяти Т. Ф. Щаповой). 1957. С. 21–66.
20. *Щапова Т. Ф., Мокиевский О. Б., Пастернак Ф. А.* Флора и фауна прибрежных зон острова Путятина (Японское море). Часть I: Качественный состав // Там же. С. 67–101.
21. *Щапова Т. Ф., Мокиевский О. Б., Пастернак Ф. А.* Флора и фауна литорали западного Сахалина (предварительное сообщение) // Там же. С. 102–111.

22. *Щапова Т. Ф., Селицкая Н. М.* Распределение водорослей на литорали острова Монерон (Японское море) // Там же. С. 112–124.
23. *Киреева М. С., Щапова Т. Ф.* Материалы по систематическому составу и биомассе водорослей и высшей водной растительности Каспийского моря // Там же. С. 125–137.
24. *Киреева М. С., Щапова Т. Ф.* Донная растительность Красноводского залива // Там же. С. 138–145.
25. *Щапова Т. Ф., Возжинская В. Б.* Водоросли литорали западного побережья Сахалина // Тр. ИО АН СССР. 1960. Т. XXXIV: Биологические исследования моря (бентос). С. 123–146.
Кроме того (по: Киреева, 1957):
Щапова Т. Ф. Две карты в «Морском атласе». 1953. II. лист 40.
Щапова Т. Ф. Отдельные новеллы во 2-м издании Большой советской энциклопедии.

Список литературы

1. *Алфёрова М. Ф.* Воспоминания. Рукопись (1981–1986). ГБУ «Центральный Государственный Архив Москвы» (ЦГА). Фонд Л-310. Опись 2. Дело № 224.
2. *Аноним.* Павел Васильевич Щапов (1848–1888): жизнь, отданная книге. 2014. https://gpib.livejournal.com/34712.html.
3. *Аноним*. История аэропорта Большая Елань (Южно-Сахалинск). 2021. https://avro-live.livejournal.com/278246.html?ysclid=lf0yhqon7j402205197.
4. *Богданов Ю. Ф.* Времена, события, судьбы. Семейная хроника XX века. М., 2014. 240 с.
5. *Булгаков М. Б.* Ростовские «сокольи помытчики» в XVII веке // История и культура Ростовской земли: материалы конференции. 2007. Ростов, 2008. С. 95–102.
6. *Возжинская В. Б.* К нахождению *Stschapovia flagellaris* (Phaeophyceae) на Сахалине // Ботанический журнал. 1958. Вып. XLIII (3). С. 428–430.
7. *Возжинская В. Б.* Донные макрофиты Белого моря. М.: Наука, 1986. 192 с.
8. *Возжинская В. Б., Камнев А. Н.* Эколого-биологические основы культивирования и использование морских донных водорослей. М.: Наука, 1994. 202 с.
9. *Зинова А. Д.* Новые семейство, род и вид у бурых водорослей // Тр. Ботанического института АН СССР. 1954. Серия II: Споровые растения. Т. 9. С. 223–244.
10. *Калугина-Гутник А. А.* Фитобентос Чёрного моря. Киев: Наукова думка, 1975. 248 с.
11. *Киреева М. С.* Татьяна Фёдоровна Щапова // Тр. ИО АН. Т. XXIII (23): Биологические исследования морей (бентос) (памяти Т. Ф. Щаповой). 1957. С. 5–14.
12. *Крестьянинова Е. И.* Материалы к истории ростовского купечества. Купцы-старообрядцы Щаповы: генеалогия и судьбы. 2007. http://gennik2007.narod.ru/krestianinova01.html.
13. *Кузнецов О. А., Нейман В. Г.* К истории экспедиционных исследований Института океанологии им. П. П. Ширшова. 1946–2004. М.: Научный мир, 2005. 520 с.
14. *Лесной Дм.* Келенджеридзе Давид Леванович. Энциклопедия «Игорный дом». 2014. http://test.game-wiki.guru/published/lyudi/kelendzheridze-david-levanovich.html.
15. *Лучина Н. П., Максимова О. В., Рыбников П. В., Кучерук Н. В.* Влияние солёности и температуры воды на морфологию и интенсивность роста черноморской филлофоры в условиях отделённости от субстрата // Биология черноморских агарофитов: *Phyllophora nervosa* (D.C.) Grev. М.: ИО РАН, 1993. С. 76–96.
16. *Любартович В. А.* Николай Петрович Щапов: «генерал от МПС» в МИХМе. 2021а. http://v.michm.ru/index.php/Николай_Петрович_Щапов.
17. *Любартович В. А.* Николай Петрович Щапов: «генерал от МПС» из МИХМа-2. 2021б. http://v.michm.ru/index.php/ Николай_Петрович_Щапов:_”ГЕНЕРАЛ_ОТ_МПС”-2.

18. *Максимова О. В.* Памяти Веры Борисовны Возжинской (27.09.1931–09.03.1997) // Океанологические исследования. 2021. № 49 (4). С. 162–193.
19. *Максимова О. В., Кучерук Н. В.* Эколого-морфологическая пластичность черноморской *Phyllophora nervosa* и проблема существования Филлофорного поля Зернова // Биология черноморских агарофитов: *Phyllophora nervosa* (D.C.) Grev. М.: ИО РАН, 1993. С. 97–106.
20. *Максимова О. В., Симакова У. В.* Макрофитобентос. В кн.: Экологический Атлас. Чёрное и Азовское моря. М.: фонд «НИР», 2019. С. 132–154.
21. *Мокиевский О. Б.* Т. Ф. Щапова – организатор и руководитель Дальневосточной прибрежной экспедиции // Тр. ИО АН. Т. XXIII (23): Биологические исследования морей (бентос) (памяти Т. Ф. Щаповой). 1957. С. 15–20.
22. *Садчиков А. П.* Гидробиологическая станция, которую мы потеряли. 2015. Viperson.ru/articles/anatoliy-sadchikov/gidrobiologicheskaya-stantsiya-kotoruyju-my-poteryali?ysclid=ldagebusdd56752313.
23. *Сасин Дмитрий* Подольские усадьбы. Щапово. 2018. https://dmitry-sasin.livejournal.com/66111.html.
24. *Ульянова Г. Н.* Круг жизни. Купеческая свадьба // Русский мир.ru. № 9. 2016. С. 26–31.
25. Учёные Института океанологии им. П. П. Ширшова Российской Академии наук. М.: ИО РАН, 2006. 353 с.
26. *Фочкин Олег* Трагедия и слава рода Щаповых // Вечерняя Москва. 30.12.2013. http://m.vmdaily.ru/news/2013/11/18/tragediya-i-slava-roda-schchapovih-223171.html.
27. *Щапов Г. Н., Щапов Я. Н.* О фамилии Щаповы. 2007. https://web.archive.org/web/20160304132500/http://gennik2007.narod.ru/ph.html.
28. *Щапов Н. М.* Дневник 1902 года. Рукопись. ГБУ «Центральный Государственный Архив Москвы». Фонд Л-310. Опись 1. Дело № 146.
29. *Щапов Н. М.* Дневник 1954 года. Рукопись. ГБУ «Центральный Государственный Архив Москвы». Фонд Л-310. Опись 1. Дело № 167.
30. *Щапов Н. М.* Дневник 1956 года. Рукопись. ГБУ «Центральный Государственный Архив Москвы». Фонд Л-310. Опись 1. Дело № 169.
31. *Щапов Н. М.* Я верил в Россию... Семейная история и воспоминания. М.: изд-во объединения «МОСГОРАРХИВ», 1998. 336 с.
32. *Щапов Я. Н.* Николай Михайлович Щапов: инженер и фотограф (1881–1960) / Составитель А. С. Федотов. В кн.: Москва в начале XX века: Будни и праздники. Московская старина. Новорусский стиль. Книга-альбом. М.: Изд-во объединения «МОСГОРАРХИВ», 1997. С. 30–38.
33. *Щапов Я. Н.* О Николае Михайловиче Щапове и о его книге. В кн.: Щапов Н. М. Я верил в Россию... М.: изд-во объединения «МОСГОРАРХИВ», 1998. С. 319–333.
34. *Щапов Я. Н.* Из истории рода Щаповых. Седмица.ru Церковно-Научный Центр «Православная энциклопедия». 2003. https://sedmitza.ru/text/528503.html.
35. *Щапов Я. Н.* Заметки по истории рода Щаповых. Рукописи (1952–2007). ГБУ «Центральный Государственный Архив Москвы». Фонд Л-310. Опись 3. Дело № 73.
36. *Щапов Я. Н.* «Три жизни» московского предпринимателя и мецената И. В. Щапова [Сайт «МИРТЕСЕН»]. 2017. https://s30870988662.mirtesen.ru/blog/Tri-zhizni-I.V.-SCHapova725491371.
37. *Эйдельман Н. Я.* Колокольчик Ганнибала. В кн.: Из потаённой истории России XVIII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1993. С. 89–129.
38. *Guiry M. D. and Guiry G. M.* AlgaeBase. World-wide electronic publication, National University of Ireland, Galway. 2023. https://www.algaebase.org (searched on 16.02.2023).

39. *Kawai H. & Sasaki H.* Morphology, life history and molecular phylogeny of *Stschapovia flagellaris* (Tilopteridales, Phaeophyceae), and the erection of the Stschapoviaceae fam. Nov // Journal of Phycology. 2004. No. 40 (6). P. 1156–1169.
40. *Kawai H., Hanyuda T., Draisma S. G. A., Wilce R.T., Andersen R. A.* Molecular phylogeny of two unusual brown algae, *Phaeostrophion irregulare* and *Platysiphon glacialis*, proposal of the Stschapoviales ord. nov. and Platysiphonaceae fam. nov., and a re-examintion of divergence times for brown algal orders // Journal of Phycology. 2015. No. 51 (5). P. 918–928.
41. *Molinari Novoa E. A. and Michael D. Guiry.* Reinstatement of the genera *Gongolaria* Boehmer and *Ericaria* Stackhouse (*Sargassaceae,Phaeophyceae*). In: Notulae Algarum. 2020. 172. 10 p. https://notulaealgarum.org/2020/documents/Notulae%20Algarum%20No.%20172.pdf.
42. *Sadogurska S. S.* Unattached Cystoseira s. l. in the Black Sea: taxonomy of Gongolaria barbata f. repens comb. nov. // Algologia. 2021. No. 31 (2). P. 150–162.
43. *Sadogurska S. S., Neiva J., Falace A., Serrao E. A., Israel A.* Taxonomic revision of the genus *Cystoseira* s.l. (*Ochrophyta*, *Fucales*, *Sargassaceae*) in the Black Sea: morphological variability and molecular taxonomy of *Gongolaria barbata* and *Ericaria crinita* f. *bosphorica* comb. nov. // *Phytotaxa.* 2021. No. 480 (1). P. 1–21. https://doi.org/10.11646/phytotaxa.480.1.1.

Статья поступила в редакцию 18.05.2023, одобрена к печати 18.06.2023.
Для цитирования: *Максимова О. В.* Татьяна Фёдоровна Щапова (1902–1954): жизнь на фоне эпохи // Океанологические исследования. 2023. № 51 (2). С. 109–177. https://doi.org/10.29006/1564-2291.JOR-2023.51(2).6.

TATIANA FIODOROVNA STSCHAPOVA (1902–1954): LIFE ON THE BACKDROP OF EPOCH

O. V. Maximova

Shirshov Institute of Oceanology, Russian Academy of Science,
36, Nakhimovskiy prospekt, Moscow, 117997, Russia,
e-mail: ovmaximova@mail.ru

On 14 of March 2022 it was 120 years since the day of birth of **Tatiana Fiodorovna Stschapova**, outstanding algologist, doctor of biological sciences. On 7 of May 2023 there was 75 years from her including in the staff of Oceanology Institute as senior scientist. She was one of the brilliant scientific pleiad which has created world-wide reputation of our Institute. Tatiana Fiodorovna studied bottom flora and vegetation in Black, Azov, Caspian, White and Barents Seas. In 1948 she organized and headed the first expedition of IO on Far East seas. Those expeditions have continued their activity in 1950th and raised marine algology of Japan Sea and Sakhalin Island to new level of knowledge. Stschapov's publications on bottom flora and structure of benthic communities are up to now considered to be standard of hydrobotanical investigations. Her doctor thesis has laid the foundation of marine phytogeography. The scientific direction she had created has been continued by her follower Vera Vozzhinskaya and exists nowadays in the Laboratory of coastal ecology IO. Returning to Moscow from Sakhalin expedition Tatiana Fiodorovna perished in the airplane crash – being just in the prime of her talent. The investigation of archive documents resulted in very interesting data on her family and ancestors – on the historical background of our motherland.

Keywords: T. F. Stschapova, marine algoflora, benthic vegetation, marine phytogeography, expeditions, Russian seas, Stschapov's family history

Acknowledgements: I am heartily grateful to all workers of three Moscow archives where I've noticed extremely interesting materials on life and activities of T. F. Stschapova and her family. First of all I should mention Zinaida Vasilievna Kharlamova, head of the IO Archive. I've got great help in the Central State Archive of Moscow (Department of Personal Collections) – the depository of Stschapov's family documents; my profound gratitude to Anna Al'bertovna Begdash, and also to Svetlana Viktorovna Sosna. I was kindly helped by library workers in A.I. Solzhenitsyn Russian Emigrant's House, especially Marina Vladimirovna Jarkova: my thanks to her. I am thankful to Vladimir Sergeevitch Kuzin who gave me photos from his family archive, and to Anton Artiomov who improved them for publication. I am heartily thankful to the head of VNIRO department Mikhail Vladimirovitch Pereladov for his information on years of life and photo of M. S. Kireeva. Many thanks to Irina Nikolaevna Sukhanova for her vivid reminiscences and the book by Yu. F. Bogdanov. I am very much obliged to Andrey Viktorovitch Gebruk who made for me some photos of the participants of the last Stschapov's expedition – from album by Lev Moskalev. I am really grateful to academician Mikhail Vladimirivitch Flint, because he has found a large piece of time for reading of the manuscript, and, as usual, has given to me some very useful advices. I am just thankful to editorial board of Journal of Oceanological Research, and especially to Juliya Valerievna Vorobeva, for immutable benevolence and forbearance. My thanks to my friend Elena Krukova who has found some useful books and made detailed analysis of my manuscript. And at last my sincere gratitude to all my colleagues and friends who have read this huge article and expressed their skilled and precise opinion on it.

Publications and manuscripts by T. F. Stschapova

1. Menkel-Stschapova, T. F., 1930: Issledovanie vodnoi i pribrzhno-vodnoi rastitel'nosti Kosinskih ozer (Investigation of water and coastal vegetation of Kosinskije lakes). *Trudy Kosinskoy biol. stantsii*, **2**.
2. Kireeva, M. S. and T. F. Stschapova, 1933: Otchet o statsionarnyh rabotah po izucheniju iodonakopliauschih vodorosley, provedionnyh otdelom donnyh vodorosley Gosudarstvennogo okeanograficheskogo instituta v 1931 g. (Report on permanent studies of iodine-accumulating algae by Bottom Algae Department of State Oceanographic institute in 1931). *Trudy GOIN*, **III** (3).
3. Stschapova, T. F., 1938: *Donnaya rastitel'nost' litorali nashih severnyh morey (Bottom vegetation of our northern seas).* Manuscript of PhD (Candidate of Biological Sciences) thesis. MGU.
4. Kireeva, M. S. and T. F. Stschapova, 1938: Temp rosta, vozrast i sporonoshenie *Laminaria saccharina* Kol'skogo zaliva (Growth rate, age and sporogony of *Laminaria saccharina* from Kol'sky Bay). *Trudy VNIRO*, **VII**, 29–58.
5. Stschapova, T. F., 1938: Donnaya rastitel'nost' severo-vostochnyh zalivov Kaspijskogo morya – Komsomolets (Miortvyi Kultuk) and Kaidak. (Bottom vegetation of north-eastern bays of Kaspian Sea – Komsomolets (Miortvyi Kultuk) and Kaidak). *Botanichesky journal*, **23** (2), 122–144.

6. Kireeva, M. S. and T. F. Stschapova, 1939: Donnaya rastitel'nost' severo-vostochnoi chasti Kaspijskogo moria (Bottom vegetation of north-eastern part of Kaspian Sea). *Bull. MOIP*, **XLVII** (2–3), 3–14.
7. Kireeva, M. S. and T. F. Stschapova, 1939: Donnaya rastitel'nost' vostochnogo berega Kaspijskogo moria (Bottom vegetation of eastern coast of Kaspian Sea). *Bull. MOIP*, **XLVIII** (5–6), 32–52.
8. Kireeva, M. S. and T. F. Stschapova, 1939: Zapasy i promysel morskoi travy (Stock and recovery of sea-grass). *Rybnoe hozyajstvo*, **3**.
9. Stschapova, T. F., 1946: Amfipatsificheskoje rasprostranenije nekotoryh vidov vodorosley (Amphipacific distribution of some algal species). *Doklady AN SSSR*, **LII** (2), 171–173.
10. Stschapova, T. F., 1946: Bipoliarnoe rasprostranenie nekotoryh vidov buryh vodorosley (Bipolar distribution of some brown algae). *Doklady AN SSSR*, **LII** (5).
11. Stschapova, T. F., 1948: Geograficheskoye rasprostranenie poryadka in the northern part of Pacific Ocean. *Trudy IO AN SSSR*, **II**, 89–138.
12. Stschapova, T. F., 1948: *Geograficheskoye rasprostranenie i puti rasseleniya buryh vodorosley poryadkov Laminariales, Fucales i Desmarestiales v severnoy chasti Tihogo okeana (Geographical distribution and ways of expansion of brown algae from the orders Laminariales, Fucales and Desmarestiales in the northern part of Pacific Ocean).* Manuscript of Doctor of Biological Sciences thesis, Moscow, MGU.
13. Mejer, K. I. and T. F. Stschapova, 1948: *Opredelitel' buryh, krasnyh i zelionyh vodorosley (Manual on brown, red and green algae). Opredelitel' fauny i flory severnyh morei SSSR.* Ed. N. S. Gaevskaya, Moscow, Sovetskaya Nauka, 516–533.
14. Stschapova, T. F., 1950: *Donnyje makrofity vodoyomov Tamanskogo poluostrova (Bottom macrophytes from natural reservoirs of Tamansky peninsula). Sovremennyje analogi neftenosnyh fatsiy (Sb. nauchnyh trudov).* Moscow-Leningrad, Gostoptehizdat.
15. Stschapova, T. F., 1953: K sistematike chernomorskoy tsistoziry (On black-sea *Cystoseira* systematic). *Trudy IO AN SSSR*, **VII**, 300–319.
16. Sabinin, D. A. and T. F. Stschapova, 1954: Temp rosta, vozrast i produktsiya *Cystoseira barbata* v Chiornom more (Growth rate, age and production of *Cystoseira barbata* in the Black Sea). *Trudy IO AN SSSR*, **VIII**, 119–146.
17. Stschapova, T. F., 1954: Fillofora Chiornogo morya (*Phyllophora* of the Black Sea). *Trudy IO AN SSSR*, **XI**, 3–35.
18. Stschapova, T. F., 1956: Donnaya flora litorali Japonskogo morya (Bottom flora of littoral zone of Sea of Japan). *Trudy problemnogo i tematicheskogo sovestschania po materialam 3 konferentsii "The investigations of fauna of Far-East seas, January 1954"*, ZIN AN SSSR, **6**, 93–97.
19. Stschapova, T. F., 1957: Litoral'naya flora materikovogo poberezhja Japonskogo morya (Littoral flora of continental coast of Sea of Japan). *Trudy IO AN SSSR*, **XXIII**, 21–66 (Memorial volume "Biological investigations in the seas (benthos)" dedicated to T. F. Stschapova).
20. Stschapova, T. F., O. B. Mokievsky, and F. A. Pasternak, 1957a: *Flora i fauna pribrezhnyh zon ostrova Putiatina. Tchast' 1. Kachestvenny sostav (Flora and fauna of coastal zones of Putiatin Island. Part 1. Qualitative composition).* Ibid., 67–101.
21. Stschapova, T. F., O. B. Mokievsky, and F. A. Pasternak, 1957b: *Flora i fauna litorali zapadnogo Sakhalina (predvaritel'noe soobstschenie)* (*Flora and fauna of Western Sakhalin littoral zone (preliminary report)*). Ibid., 102–111.
22. Stschapova, T. F. and N. M. Selitskaya, 1957: *Raspredelenie vodorosley na litorali ostrova Moneron (Japonskoye more) (Distribution of littoral algae of Moneron Island, Sea of Japan).* Ibid., 112–124.

23. Kireeva, M. S. and T. F. Stschapova, 1957a: *Materialy po sistematicheskomu sostavu i biomasse vodorosley i vysshey vodnoi rastitel'nosti Kaspijskogo morya (Materials on systematic composition and biomass of algae and higher water vegetation of Kaspian Sea)*. Ibid., 125–137.
24. Kireeva, M. S., and T. F. Stschapova, 1957b: *Donnaya rastitel'nost' Krasnovodskogo zaliva (Bottom vegetation of Krasnovoskiy Bay)*. Ibid., 138–145.
25. Stschapova, T. F. and V. B. Vozzhinskaya, 1960: Vodorosli litorali zapadnogo poberezhja Sakhalina (Littoral algae off the western Sakhalin coast). *Trudy IO*, **34**, 123–146.

In Memorial Volume (Kireeva, 1957) among publications by T. F. Stschapova were mentioned also:
Stschapova, T. F., 1953: 2 maps in «Marine Atlas», **II**, 40.
Stschapova, T. F. Some novels in the 2nd edition of Large Soviet Encyclopedia.

References

1. Alfiorova, M. M., 1981–1986: *Vospominaniya. Rukopis'.* (Memoires. Manuscript). GBU "Tsentral'nyi GosArhiv Moskvy", fond Л-310, opis' 2, delo 224.
2. Anonymous, 2014: *Pavel Vasil'evitch Stschapov (1848–1888): zhizn', otdannaya knige (Pavel Vasil'evitch Stschapov (1848–1888): life devoted to books).* https://gpib.livejournal.com/34712.html.
3. Anonymous, 2021: *Istoriya aeroporta Bol'shaja Elan' (Yuzno-Sakhalinsk). (The history of Yuzno-Sakhalinsk airport Large Elan').* https://avro-live.livejournal.com/278246.html?ysclid=lf0yhqon7j402205197.
4. Bogdanov, Yu. F., 2014: *Vremena, sobytiya, sud'by. Semeinaya khronika XX veka. (Times, events, fortunes. Family chronicle of XX century).* Moscow, 240 p.
5. Bulgakov, M. B., 2008: *Rostovskie "sokol'ji pomytchiki" v XVII veke. (Falconers from Rostov in XVII century). Istoriya i kultura Rostovskoy zemli: materialy konferentsii*. Rostov, 95–102.
6. Ejdel'man, N. Ja., 1993: *Kolokol'chik Gannibala (Gannibal's bell). Iz potajonnoi istorii Rossii XVIII – XIX vekov.* Moscow, Vysshaya shkola, 89–129.
7. Fochkin O., 2013: Tragediya i slava roda Stschapovych (Tragedy and glory of Stschapov family). *Vechernyaya Moskva*. http://m.vmdaily.ru/news/2013/11/18/tragediya-i-slava-roda-schchapovih-223171.html.
8. Guiry, M. D. and G. M. Guiry, 2023: *AlgaeBase.* World-wide electronic publication, National University of Ireland, Galway, https://www.algaebase.org (searched on 13.05.2023).
9. Kalugina-Gutnik, A. A., 1975: *Fitobentos Chernogo morya (Phytobenthos of the Black Sea).* Kiev, Naukova dumka, 248 p.
10. Kawai, H. and H. Sasaki, 2004: Morphology, life history and molecular phylogeny of *Stschapovia flagellaris* (Tilopteridales, Phaeophyceae), and the erection of the Stschapoviaceae fam. nov. *Journal of Phycology*, **40** (6), 1156–1169.
11. Kawai, H., T. Hanyuda, S. G. A. Draisma, R. T. Wilce, and R. A. Andersen, 2015: Molecular phylogeny of two unusual brown algae, *Phaeostrophion irregulare* and *Platysiphon glacialis*, proposal of the Stschapoviales ord. nov. and Platysiphonaceae fam. nov., and a re-examintion of divergence times for brown algal orders. *Journal of Phycology*, **51** (5), 918–928.
12. Kireeva, M. S., 1957: Tatiana Fiodorovna Stschapova. *Trudy IO AN,* **23**, 5–14.
13. Krestjaninova, E. I., 2007: *Materialy k istorii rostovskogo kupechestva. Kuptsy-staroobriadtsy Stschapovy: genealogija i sud'by. (Materials on the history of Rostov merchant class.*

Merchants-old-believers Stschapovy: genealogy and destiny). http://gennik2007.narod.ru/krestianinova01.html.

14. Kuznetsov, O. A. and V. G. Neiman, 2005: *K istorii ekspeditsionnykh issledovanii Instituta okeanologii im P. P. Shirshova. 1946–2004. (On history of expeditionary investigations by Shirshov Institute of Oceanology. 1946–2004)*. Moscow, Nauchnyi mir, 520 p.
15. Lesnoy, Dm., 2014: *Kelendzheridze David Levanovich. Entsiklopediya "Igorniy dom" (Kelendzheridze David Levanovich. Encyclopaedia "Gambling-house")*, http://test.game-wiki.guru/published/lyudi/kelendzheridze-david-levanovich.html.
16. Luchina, N. P., O. V. Maximova, P. V. Rybnikov, and N. V. Kucheruk, 1993: Vliyanie solionosti i temperatury vody na morfologiyu i intensivnost' rosta chernomorskoi fillofory v usloviyakh otdelionnosti ot substrata (The influence of water salinity and temperature on morphology and growth intensity of black-sea Phyllophora being detached from substratum). *Biologiya chernomorskih agarofitov: Phyllophora nervosa* (D.C.) Grev. Moscow, IO RAN, 76–96.
17. Lubartovitch, V. A., 2021a: *Nikolai Petrovich Stschapov: "general ot MPS" v MIHMe. (Nikolai Petrovich Stschapov: "the general from Ministry of Communication Means" in MIHM)*, http://v.michm.ru/index.php/Николай_Петрович_Щапов.
18. Lubartovitch, V. A., 2021b: *Nikolai Petrovich Stschapov: "general ot MPS" iz MIHMa-2. (Nikolai Petrovich Stschapov: "the general from Ministry of Communication Means" from MIHM-2)*, http://v.michm.ru/index.php/ Николай_Петрович_Щапов_2.
19. Maximova, O. V., 2021: Pamyati Very Borisovny Vozzhinskoj (27.09.1931 – 09.03.1997) (In memory of Vera Borisovna Vozzhinskaya). *Journal of Oceanological Research*, **49** (4), 162–193.
20. Maximova, O. V. and N. V. Kucheruk, 1993: Ekologo-morfologicheskaya plastichnost' chernomorskoi *Phyllophora nervosa* i problema sustchestvovaniya Fillofornogo polya Zernova (Eco-morphological plasticity of black-sea *Phyllophora nervosa* and the problem of Zenov's Phyllophora meadows existence). *Biologiya chernomorskih agarofitov: Phyllophora nervosa* (D.C.) Grev. Moscow, IO RAN, 97–106.
21. Maximova, O. V. and U. V. Simakova, 2019: *Makrofitobentos.* (Macrophytobenthos). *Ecological Atlas. Chiornoe i Azovskoe morya.* Moscow, fond "NIR", 132–154.
22. Mokievskiy, O. B., 1957: T. F. Stschapova – organizator i rukovoditel' Dalnevostochnoi pribrezhnoi ekspeditsii (T. F. Stschapova – organizer and leader of Far East coastal expedition). *Trudy IO AN,* **23**, 15–20.
23. Molinari Novoa, E. A. and M. D. Guiry, 2020: Reinstatement of the genera *Gongolaria* Boehmer and *Ericaria* Stackhouse (*Sargassaceae, Phaeophyceae*). *Notulae Algarum*, 172, 10 p., https://notulaealgarum.org/2020/documents/Notulae%20Algarum%20No.%20172.pdf.
24. Sadchikov, A. P., 2015: *Gidrobiologicheskaya stantsiya, kotoruyu my poteryali (Hydrobiological station we have lost).* Viperson.ru/articles/anatoliy-sadchikov/gidrobiologicheskaya-stantsiya-kotoruyju-my-poteryali?ysclid=ldagebusdd56752313.
25. Sadogurska, S. S., 2021: Unattached *Cystoseira* s. l. in the Black Sea: taxonomy of *Gongolaria barbata* f. *repens* comb. nov. *Algologiya,* **31** (2), 150–162.
26. Sadogurska, S. S., J. Neiva, A. Falace, E. A. Serrao, and A. Israel, 2021: Taxonomic revision of the genus *Cystoseira* s.l. (*Ochrophyta*, *Fucales*, *Sargassaceae*) in the Black Sea: morphological variability and molecular taxonomy of *Gongolaria barbata* and *Ericaria crinita* f. *bosphorica* comb. nov. *Phytotaxa,* **480** (1), 1–21, https://doi.org/10.11646/phytotaxa.480.1.1.
27. Sasin, Dm., 2018: *Podol'skie usad'by. Stschapovo. (Podolsk country estates. Stschapovo).* https://dmitry-sasin.livejournal.com/66111.html.
28. Stschapov, G. N. and Ya. N. Stschapov, 2007: *O familii Stschapovy (On surname Stschapovy).* https://web.archive.org/web/20160304132500/http://gennik2007.narod.ru/ph.html.

29. Stschapov, N. M., 1902: *Dnevnik. Rukopis'. (Diary. Manuscript). GBU* "Tsentral'nyi GosArhiv Moskvy", fond Л-310, opis' 1, delo 146.
30. Stschapov, N. M., 1954: *Dnevnik. Rukopis'. (Diary. Manuscript). GBU* "Tsentral'nyi GosArhiv Moskvy", fond Л-310, opis' 1, delo 167.
31. Stschapov, N. M., 1956: *Dnevnik. Rukopis'. (Diary. Manuscript). GBU* "Tsentral'nyi GosArhiv Moskvy", fond Л-310, opis' 1, delo 169.
32. Stschapov, N. M., 1998: *Ja veril v Rossiyu… Semejnaya istoriya i vospominaniya (I believed in Russia… Family history and reminiscences).* Moscow, izd-vo ob'edinenija "MOSGORARHIV", 336 p.
33. Stschapov, Ya. N., 1997: *Nikolai Mikhailovich Stschapov: injener i fotograf (1881–1960)* (*Nikolai Mikhailovich Stschapov: engineer and photographer (1881–1960)). Moskva v nachale XX veka: Budni i prazdniki. Moskovskaya starina. Novorusskiy stil'. Kniga-al'bom.* (Sostavitel' A. S. Fedotov). Moscow, izd-vo ob'edinenija "MOSGORARHIV", 30–38.
34. Stschapov, Ya. N., 1998: *O Nikolae Mikhailoviche Stschapove i o ego knige (About Nikolai Mikhailovich Stschapov and his book).* In: Stschapov, N. M., *Ja veril v Rossiyu…*, 319–333.
35. Stschapov, Ya. N., 2003: *Iz istorii roda Stschapovyh (On the history of stock Stschapovy).* Sedmitsa.ru Tserkovno-Nauchnyi Tsentr "Pravoslavnaja Entsiklopedia". https://sedmitza.ru/text/528503.html.
36. Stschapov, Ya. N., 1952–2007: *Zametki po istorii roda Stschapovyh. Rukopisi (Notes on the history of stock Stschapovy. Manuscripts).* GBU "Tsentral'nyi GosArhiv Moskvy", fond Л-310, opis' 3, delo 73.
37. Stschapov, Ya. N., 2017: *Tri zhizni moskovskogo predprinimatelya i metsenata I. V. Stschapova* (*Three lives of Moscow businessman and maecenas I. V. Stschapov*). [Sait "MIRTESEN"], https://s30870988662.mirtesen.ru/blog/Tri-zhizni-I.V.-SCHapova725491371.
38. *Uchionye Instituta okeanologii im. P. P. Shirshova Rossijskoi Akademii nauk (The scientists of Shirshov Institute of Oceanology of Russian Academy of Sciences).* 2006. Moscow, IO RAN, 353 p.
39. Ulyanova, G. N., 2016: *Krug zhizni. Kupecheskaya svad'ba. (Life sphere. Merchant wedding).* "Russkiy mir. ru", **9**, 26–31.
40. Vozzhinskaya, V. B., 1958b: K nahozhdeniyu *Stschapovia flagellaris* (Phaeophyceae) na Sahaline (On finding of *Stschapovia flagellaris* (Phaeophyceae) at Sakhalin). *Botanicheskij zhurnal*, **43** (3), 428–430.
41. Vozzhinskaya, V. B., 1986: *Donnye makrofity Belogo morya (Bottom macrophytes of the White Sea).* Moscow, Nauka, 191 p.
42. Vozzhinskaya, V. B. and A. N. Kamnev, 1994: *Ekologo-biologicheskie osnovy kultivirovaniya i ispolzovaniya morskih donnyh vodorosley* (*Ecologo-biological foundations for cultivation and usage of marine bottom seaweeds).* Moscow, Nauka, 202 p.
43. Zinova, A. D., 1954: Novye semejstvo, rod i vid u buryh vodorosley (New family, genus and species of brown algae). *Trudy Botanicheskogo Instituta*, **II** (9), 223–244.

Submitted 18.05.2023, accepted 18.06.2023.
For citation: Maximova, O. V., 2023: Tatiana Fiodorovna Stschapova (1902–1954): life on the backdrop of epoch. *Journal of Oceanological Research*, **51** (2), 109–177, https://doi.org/10.29006/1564-2291.JOR-2023.51(2).6.